

Холодная рука в моей руке

Автор:

[Роберт Эйкман](#)

Холодная рука в моей руке

Роберт Эйкман

Легенды хоррора

Роберт Эйкман – легенда английского хоррора, писатель и редактор, чьи «странные истории» (как он их сам называл) оказали влияние на целую плеяду писателей ужасов и фэнтези, от Нила Геймана до Питера Страуба, от Рэмси Кэмпбелла до Адама Нэвилла и Джона Лэнгана. Его изящно написанные, проработанные рассказы шокируют и пугают не стандартными страхами или кровью, а радикальным изменением законов природы и повседневной жизни. «Холодная рука в моей руке» – одна из самых знаменитых книг Эйкмана. Здесь молодой человек сталкивается на ярмарке с самым неприятным и одновременно притягательным аттракционом в своей жизни, юная англичанка встречается в Италии с чем-то, что полностью изменит ее, если не убьет, а простой коммивояжер найдет приют в гостинице, на первый взгляд такой обычной, а на самом деле зловещем и непонятном месте, больше похожем на лабиринт, где стоит ужасная жара, а выйти наружу невозможно. Территория странного, созданная Робертом Эйкманом, «бездны под лицом порядка», по-прежнему будоражит воображение писателей и читателей по всему миру, а необычная композиция рассказов и особая атмосфера его произведений до сих пор не имеют аналогов. Впервые на русском языке.

Роберт Эйкман

Холодная рука в моей руке

Сборник

Посвящается Мэри Джордж и Энн Пим за то, что предоставили мне прекрасную квартиру, без которой эта книга никоим образом не была бы написана

В конце всего – тайна, которая не имеет ни конца, ни объяснения.

Сашеверелл Ситуэлл. В поисках Золотого города

Robert Aickman

Cold Hand in Mine

* * *

© The Estate of Robert Aickman, 2021

© Екатерина Большелапова, перевод, 2021

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Мечи

Corazon malherido

Por cinco espadas[1 - О, гитара, Бедная жертва Пяти проворных кинжалов!(Пер. с исп.: Марины Цветаевой.)].

Федерико Гарсиа Лорка

Что сказать о моем первом опыте?

Мой первый опыт куда больше напоминал испытание, чем все, что случилось со мной впоследствии. Этот опыт оказался не слишком приятным и, несомненно, был проверкой. Я не раз замечал, что с новичками – иногда кажется, что только с новичками, – зачастую происходят странные вещи. Когда вы хорошо знакомы с предметом, не происходит ровным счетом ничего. Понятие «предмет» в данном случае надо понимать весьма расширительно. После того как у вас было, скажем, шесть, семь или восемь женщин, все остальные покажутся более или менее одинаковыми.

Так вот, я, бесспорно, был новичком, свежим, как весенний лук. Более того, я был самым настоящим маменькиным сыночком, абсолютно не знал жизни и испытывал трепет перед ее грубостью. Впрочем, у меня нет ни малейшего желания упрекать хоть в чем-то свою старенькую матушку. Для матери она очень даже неплоха, и мне по-прежнему удается ладить с ней лучше, чем с большинством других женщин.

У нее имелся брат, мой дядя Элайас. Нелишним будет упомянуть, что мы считались потомками семейства, представители которого из поколения в поколение занимались гончарным делом; не знаю, впрочем, насколько это соответствует истине. Помню, бабушка показывала мне какие-то черепки в качестве доказательства, но это меня не слишком убедило. Так вот, после того как мой отец погиб в результате несчастного случая, мама упросила дядю Элайаса взять меня на работу. У него была бакалейная лавка, где он вел торговлю без особого размаха, отдавая предпочтение дешевым товарам. Он заявил, что на первых порах будет использовать меня главным образом для деловых поездок – это, мол, поможет мне быстрее войти в курс дела. Мама была очень расстроена, так как отец мой погиб в автомобильной катастрофе; кроме того, она полагала, что частые путешествия опасны для моей нравственности. Но дядя непреклонно стоял на своем, и мне пришлось проводить время в бесконечных разъездах.

Должен признать, над моей нравственностью действительно постоянно нависала угроза, но я был таким простаком и трусом, что сумел благополучно избежать всех этих угроз. Насколько это было возможно, я старался держаться подальше от парней, с которыми знакомился во время путешествий. Я не

сомневался в том, что они окажут на меня дурное влияние, и среди них чувствовал себя ребенком, попавшим на взрослую вечеринку. В торговле я не смыслил ровным счетом ничего, к тому же был ужасающе одинок, и это не просто слова. Жизненные перспективы, которые обещал дядя Элайас, внушали мне отвращение, но я не представлял, чем еще могу заниматься. Протаскавшись по дорогам более двух лет, я узнал о своей нынешней работе в строительном обществе – если быть точным, прочел о ней в местной газете – и заявил дяде Элайасу, что отныне он будет заниматься бакалейной торговлей без моей помощи.

По большей части во время поездок мы останавливались в маленьких отелях – некоторые из них были не так уж плохи и в отношении комнат, и в отношении еды. Но в нескольких городах мы – я и постоянный сотрудник дяди Элайаса, унылый тип по фамилии Бэнтонк, – останавливались только в меблированных комнатах, которые нам настойчиво рекомендовал дядя Элайас. До сих пор не могу понять, почему он настаивал, чтобы мы ночевали именно там. Скорее всего, дядя получал за это откат – подобное предположение, что называется, лежит на поверхности. Но иногда мне приходит в голову: а что, если старые девы, содержательницы этих комнат, в более или менее отдаленном прошлом были возлюбленными дяди Элайаса? Как-то раз я даже заговорил об этом с Бэнтоком, но тот заявил, что ему ровным счетом ничего не известно. Он вообще редко признавался, что ему что-либо известно – разумеется, если речь не шла о ценах на стиральный порошок и виски. Проработав на дядю сорок два года, он умер от тромбоза в Рочдейле. Что касается миссис Бэнтонк, она в течение многих лет была дядиной любовницей, с которой он то сходил, то расходился. Об этом все знали.

Что же до содержательниц меблированных комнат, то они обычно вели себя так, словно мое предположение соответствовало истине. Вы даже не представляете, какой кошмар творился в их заведениях. Шум по ночам стоял такой, что выспаться было невозможно; то и дело какая-нибудь полуодетая шлюха принималась колотить в дверь и орать, что клиент собирается ее задушить или уйти, не заплатив. Некоторые постояльцы даже приводили к себе мальчиков, что до сих пор остается за пределами моего понимания. О подобных вещах мне доводилось и читать, и слышать, но понять их я не в состоянии.

В такой-то обстановке я вынужден был находиться во всем блеске своей незапятнанной чистоты. Над этой самой чистотой содержательницы притонов постоянно потешались. Не знаю, как мирился с этим старина Бэнтонк. Мы с ним

никогда не жили в подобных местах одновременно. Самое смешное состоит в том, что мама была уверена – в этих меблированных комнатах я в полной безопасности, ведь их посоветовал нам с Бэнтоком дядя, неустанно пекущийся о нашем благе.

Разумеется, ночевать в подобных притонах мне приходилось не всегда. Но это неизменно случалось, когда я путешествовал один. Я заметил – в тех случаях, когда Бэнтон снабжал меня какими-то контактами и наводками, все они находились в городах, где у нас была возможность остановиться в нормальном отеле. Тем не менее Бэнтон, как и я, порой был вынужден ночевать в этих пресловутых меблирашках, но никогда не обсуждал их.

Одним из городов, где находились заведения из списка дяди Элайаса, был Вулверхэмптон. В первый раз я оказался там, проработав всего около четырех или пяти месяцев. Останавливаться в подобных местах мне уже приходилось, и именно по этой причине сердце мое сжалось от дурных предчувствий, когда мутноглазая корова в бигудях и грязном комбинезоне распахнула передо мной дверь.

Заняться в этих меблирашках было абсолютно нечем. Негде даже посидеть и посмотреть телик. Все, что оставалось – отправиться в какой-нибудь бар и выпить или же выбрать шлюху по фотографии и пригласить ее в номер. Ни одна из этих идей меня не привлекала, и в результате я пошел прогуляться по городу. Полагаю, дело было в конце весны или в начале лета, потому что на улице было тепло, но не слишком жарко. Когда я допил чай – для этого мне пришлось зайти в кафе, ибо в меблированных комнатах было невозможно даже выпить чаю, – сумерки только начали сгущаться.

Шатаюсь по улицам Вулверхэмптона, где все встречные девушки, завидев меня, хихикали – или же так мне казалось, – я наткнулся на небольшую ярмарку. Города я совершенно не знал и, бредя по берегу старого канала, оказался в каком-то обветшалом районе. Главные его улицы были довольно широки, но теперь, вечером, тихи и почти пустынные – лишь время от времени по мостовой с грохотом проезжал грузовик, да иногда встречалась стайка играющих детей. Вдоль узеньких переулков, отходивших в сторону от главных улиц, тянулись ряды невысоких домов; судя по заколоченным или же выбитым окнам и продырявленным крышам, многие из них пустовали. Заслышав звуки, долетающие с ярмарки, я пошел в ту сторону; то была не гремющая через усилители попса, не уханье старых паровых органов, но нежный звон, странным

образом соответствующий теплому вечеру и розоватым сумеркам. Звук этот меня заинтересовал, к тому же у меня не было ровным счетом никаких дел, и я брел по пустынным улицам, пока не выяснил, что происходит.

Да, то была ярмарка, хотя и совсем маленькая; с десятков прилавков, где несколько детей развлекались, бросая кольца или паля из игрушечных винтовок, пара-тройка крытых палаток, а посередине – небольшая карусель. Выглядела карусель очень мило; в центре – снежная королева в окружении кристаллов льда, вокруг нее – разноцветные санки, рассчитанные на двоих седоков, над ними – множество ярких фонариков. Около карусели стояла белокурая девушка в костюме Пьеретты, очень красивая. По крайней мере, мне она тогда показалась настоящей красавицей. Несомненно, в ее обязанности входило собирать деньги с желающих покататься на карусели; проблема заключалась в том, что таковых не имелось. Ни единого. Да и вообще, народу вокруг было немного; неудивительно, что взгляд девушки упал на меня. Чувствуя неловкость за то, что мне не с кем прокатиться, я торопливо отвернулся. Попросить девушку сесть вместе со мной у меня не хватило смелости; к тому же я полагал, что кататься ей категорически запрещено. Если только она сама не являлась владелицей карусели.

Ярмарка находилась на небольшом пустыре; вероятно, дома, стоявшие там когда-то, были снесены или просто развалились. С двух сторон возвышались глухие высокие стены какого-то завода, и земля была такой неровной и ухабистой, что порой казалось, будто под ногами у меня каменистый морской берег. Ясно было, что ярмарка – явление временное. Сегодня она здесь, а завтра исчезнет. Я ничуть не удивился бы, узнав, что ярмарка раскинулась на этом участке без всяких законных оснований. Вряд ли ее устроители заручились каким-нибудь официальным разрешением использовать землю. Скорее всего, дела у них идут не лучшим образом, подумал я. Ярмарки вроде этой обречены на вымирание; времена сейчас не те, что прежде, в дни детства моей бабушки, которая частенько вспоминала о чудесных ярмарках и цирках, где веселилась маленькой девочкой. Бо?льшую часть посетителей составляла детвора; впрочем, у детей сегодня водятся немалые деньги. Эти самые деньги они тратили, столпившись у крошечного прилавка, за которым женщина весьма унылого вида продавала мороженое и яблоки в карамели. Мне пришло в голову, что было бы намного проще и выгоднее сконцентрироваться именно на жратве и без затей торговать всякими лакомствами, оставив обреченные попытки развлекать людей, которые предпочитают развлекаться у себя дома. Но, вероятно, в тот вечер я пребывал в мрачном расположении духа. Ярмарка была очаровательна в своей старомодности, но вряд ли способна поднять настроение хоть кому-

нибудь.

Девушка у карусели по-прежнему смотрела на меня, и я был уверен, что взгляд ее полон упрека – и, возможно, даже презрения. Она была частью этой карусели и не могла с ней расстаться. Я не двигался с места, пока дети, спешившие к прилавкам, не заорали, что я торчу у них на дороге; то обстоятельство, что я был здесь единственным взрослым, не внушало им ни малейшего почтения. Оглядевшись по сторонам, я заметил вдалеке, там, где фабричные стены образовывали угол, нечто вроде брезентового шатра в красную и белую полоску. Над входом висела доска, на которой облупившимися золотыми буквами была выведена надпись: «Мечи». И более ничего. Темнота быстро сгущалась, но около палатки не горело ни единого фонаря, да и изнутри не пробивался даже слабый свет. Можно было предположить, что она служит чем-то вроде склада.

Сам не знаю зачем, я подошел ближе и коснулся грязного брезентового лоскута, закрывающего вход в шатер. Уверен, у меня никогда не хватило бы смелости отдернуть его и заглянуть внутрь. Но даже робкого прикосновения оказалось достаточно. Лоскут отодвинулся, и передо мной возник молодой человек, судя по выражению лица, имевший намерение зазвать меня внутрь. В тот же момент я заметил, что внутри шатра происходит какое-то представление. Смотреть его у меня не было ни малейшего желания, но я сознавал, что, улепетывая прочь, буду выглядеть полным идиотом.

– Два шиллинга, – буркнул молодой человек, задергивая грязный полог и протягивая не менее грязную руку. На нем был зеленый свитер, в нескольких местах заштопанный, но все равно дырявый, грязные серые брюки и еще более грязные сандалии. Явный избыток грязи – вот мое первое впечатление от этого места; мне отчаянно хотелось сбежать, но я чувствовал, что это невозможно. Вся остальная ярмарка вовсе не казалась мне столь ужасающе грязной.

В любом случае спастись бегством было поздно. Людей внутри шатра было совсем мало. На ухабистом земляном полу, усеянном осколками стекла и обломками кирпича, стояло штук двадцать-тридцать разрозненных деревянных стульев, в большинстве своем сломанных, облезлых и обшарпанных. На этих жалких стульях сидели зрители – ровным счетом семь человек. Называю точную цифру, потому что сосчитать их не составило труда, а также потому, что, как вы поймете вскоре, число это имело значение. Я, таким образом, стал восьмым. Все зрители, судя по всему, были незнакомы между собой; все они были мужчинами, именно зрелыми мужчинами, а не юношами. Пожалуй, я значительно моложе

всех остальных, отметил я про себя.

Что касается самого шоу, я никогда не видел ничего подобного. Никогда не слышал ни о чем подобном. Даже не читал о таком. Ни о чем, даже отдаленно напоминающем то, что происходило здесь.

В задней части шатра, возможно прямо у фабричной стены, находился невысокий дощатый помост, выкрашенный темной краской. На этом помосте стоял здоровенный детина, который о чем-то трепался, но смысл этого трепа от меня ускользал. Его курчавые волосы, цвета дешевого лимонада, уже начали седеть, на широком багровом лице красовался перебитый нос и удивительно красные губы. Глаза у него были маленькие, уши тоже, причем уши располагались на голове как-то несимметрично, если вы понимаете, что я имею в виду. Красотой он не отличался, хотя, несомненно, был так силен, что смог бы одной левой уложить всех зрителей, собравшихся в шатре. Я не смог определить, сколько ему лет – ни тогда, ни потом (забегая вперед, скажу, что нам предстояла еще одна встреча). Думаю, возраст его приближался к пятидесяти, и нельзя было сказать, что он хорошо сохранился. Однако создавалось впечатление, что мускулов у него значительно больше, чем у обычных людей. Одет он был почти в точности так, как и парень у входа, с той лишь разницей, что свитер на нем был не зеленый, а синий, вроде тех, что носят моряки. Что касается грязных серых штанов и сандалий, они были такими же, как у встретившего меня юнца. В общем, мужик на помосте здорово походил на боксера.

Но происходившее на сцене ничуть не напоминало боксерский поединок. Слева от здоровяка (и в точности напротив того места в заднем ряду, где уселся я), в брезентовом шезлонге, таком же потрепанном и жалком, как и вся здешняя обстановка, сидела девушка. На ней был наряд французской шлюхи: черное блестящее мини-платье с глубоким вырезом, черные чулки в сеточку и лакированные туфли на высоченном каблуке, из тех, что большинству мужчин кажутся неотразимо привлекательными. И все же общее впечатление было не слишком сексуальным. И платье, и туфли знавали лучшие времена; что касается девушки, она выглядела слишком усталой, чтобы казаться соблазнительной. Должен сказать, она была бы красива, если бы не зеленая пудра, покрывавшая ее щеки (не знаю, выбрала ли она этот жуткий оттенок сама, или его выбрал для нее кто-то другой), и не тускло-серый мышинный оттенок волос, стянутых на затылке в тугий пучок, как у балерины. В довершение всего, она не сидела, а почти лежала в шезлонге, словно чувствовала себя больной или же совсем

обессиленной. Несомненно, она не делала ровным счетом ничего, чтобы распалить зрителей. Да я вовсе и не хотел распалиться. По крайней мере, так мне тогда казалось.

Напротив девушки, у края помоста, стоял низенький черный столик, из тех, что обычно продают, выдавая за японские; этот экземпляр, весьма скромный и лишенный украшений, как и все здесь, отличался изрядной обшарпанностью. На столике крест-накрест, как сырные палочки, были сложены мечи. Полагаю, их было тридцать, а то и сорок, они лежали правильной четырехугольной стопкой, так что каждый легко было выхватить, потянув за рукоять. Позднее до меня дошло, что мечей было в точности столько, сколько стульев в палатке, – на тот случай, если будет аншлаг.

Если бы не вывеска над входом, думаю, я не догадался бы, что это мечи, или, по крайней мере, догадался бы не сразу. Не было ни одной блестящей детали, ни одного украшения. Тускло-серые клинки, рукояти, сделанные из какого-то черного материала, возможно даже пластика. В общем, они выглядели, как массовые промышленные поделки, но я понимал, что таковыми они быть не могут. Мечи, несомненно, были более массивными и тяжелыми, чем фехтовальные рапиры; а в наши дни спрос на настоящие мечи, мягко говоря, невелик, и даже в ритуальных целях они используются все реже и реже, так что производить их в промышленном масштабе вряд ли имеет смысл. Возможно, мечи были театральным реквизитом, но это предположение тоже казалось мне не слишком убедительным. В общем, то были мечи весьма сомнительного качества, совершенно не походившие на боевое оружие.

Не знаю, задолго ли до моего появления все началось, ибо моряк в синем свитере не дал на этот счет никаких объяснений. Он без всяких предисловий объявил:

– Итак, джентльмены, кто из вас готов стать первым?

В ответ – ни слова, ни даже малейшего движения. Как и всегда в подобных случаях.

– Ну что же вы! – продолжал ведущий не слишком любезным тоном. Чувствовалось, он настолько привык к пассивности своей аудитории, что не собирается с ней церемониться. Хотя работать ему приходилось языком,

словарный его запас, судя по всему, не отличался разнообразием. Говорил он с сильным акцентом, который, по моему предположению, напоминал говор Блэк-Кантри; впрочем, будучи жителем Лондона и находясь в той жизненной поре, в которой я находился тогда, я не мог судить об этом с уверенностью.

Ничего не происходило.

– За что же вы тогда заплатили деньги? – возопил моряк, как мне показалось, скорее с вызовом, чем с сарказмом.

– Вот вы нам и объясните, – крикнул один из зрителей. Сидел он неподалеку от меня, как раз напротив.

подавать голос было опрометчиво, и ведущий моментально воспользовался этой оплошностью.

– Вы! – заорал он, наставив толстый красный палец на моего соседа. – Идите-ка сюда. Должны же мы хоть как-то начать.

Мужчина не двинулся с места. Находясь в опасной близости от него, я внутренне сжался. Ведущий мог избрать меня следующей жертвой, а я понятия не имел, что от меня потребуется.

Ситуацию спасло появление добровольца. Какой-то парень, сидевший на другой стороне, встал и заявил:

– Пожалуй, я попробую.

Единственным источником света в палатке была лампа Тилли, громко шипевшая на деревянной крестовине под потолком. В ее тусклом свете трудно было как следует разглядеть добровольца, но, похоже, он ничем не отличался от всех прочих зрителей.

– Наконец-то, – пробурчал ведущий, по-прежнему нелюбезно. – Идите сюда!

Доброволец неспешно пересек палатку, взобрался на помост и встал рядом с девушкой. Она не двигалась, голова ее была так запрокинута назад, что я не

видел ее глаз. Не знал даже, открыты они или закрыты.

– Возьмите меч, – скомандовал моряк.

Доброволец выполнил приказ, осторожно потянув за рукоять. Судя по всему, до этого он ни разу в жизни не держал в руках ничего подобного; то же самое могу сказать и про себя. Стоя с мечом в руках, парень выглядел совершенным придурком. В тусклом свете лампы кожа его казалась серой, он был очень худ, с большими залысинами.

Ведущий позволил бедолаге постоять так несколько секунд, как видно из вредности. Судя по всему, способ, которым приходилось зарабатывать на жизнь, внушал ему изрядное отвращение. Я чувствовал, что атмосфера в грязной палатке становится все более тяжелой и гнетущей. Но все остальные зрители, развалившиеся на своих неудобных стульях, судя по выражению их лиц, всего лишь скучали.

Через некоторое время ведущий, который стоял лицом к зрителям и разговаривал с добровольцем уголком рта, повернулся вполборота и, по-прежнему не глядя на парня, процедил:

– Ну и чего вы ждете? Кроме вас, тут есть еще люди, которым тоже хочется попробовать.

Кто-то из зрителей засвистел и крикнул:

– Хватит тянуть, надоело!

Чувствовалось, что недовольство его направлено в первую очередь на шоумена, а не на добровольца.

– Давайте действуйте! – рявкнул ведущий тоном сержанта, натаскивающего новобранца. – Наносите удар.

И тут произошло нечто невероятное.

Доброволец, сотрясаясь всем телом, вонзил меч в девушку, распростертую в кресле. Так как он закрывал ее от меня, я не видел, куда вонзился меч; но, полагаю, он вошел глубоко, так как клинок исчез почти полностью. Как ни странно, звук, произведенный мечом, показался мне хорошо знакомым. Мы все прекрасно знаем, что мечом можно проткнуть человека насквозь, и, хотя прежде я не видел ничего подобного, у меня не было никаких сомнений – сейчас произошло именно это. Повторяю, звук, произведенный мечом, рассекающим плоть, оказался в точности таким, как я ожидал. Несмотря на шипение лампы, слышался он чрезвычайно отчетливо. Этот звук был продолжителен и ужасен.

Я почувствовал, как все зрители одновременно затаили дыхание и одновременно выдохнули. То, что происходило на сцене, я по-прежнему видел плохо.

– Вытаскивайте! – распорядился моряк, властно, точно разговаривал с дебилом, но при этом совершенно спокойно. Он все так же стоял вполоборота к добровольцу и смотрел на зрителей; вид у него был невозмутимый, как у человека, который занимается привычным делом.

Доброволец по-прежнему загораживал от меня девушку, но я смог разглядеть, что он вытащил меч и теперь стоит, опираясь клинком на помост. Крови не было видно. Наверняка все это какое-то надувательство, решил я; меня одурачили, как ребенка. Фокус, и ничего больше.

– Если хотите, можете ее поцеловать, – позволил моряк. – За это вы тоже заплатили.

Парень воспользовался разрешением, в этом не было сомнений, хотя я видел только его спину. Сжимая рукоять меча, он наклонился вперед. Полагаю, то был долгий нежный поцелуй, а вовсе не формальное чмокание, которым обычно отделываются на публике; впрочем, на этот раз я ничего не слышал.

Но хотя поцелуй длился невероятно долго, моряк и не думал торопить добровольца; по непонятным причинам зрители воздержались от свиста и насмешливых выкриков; наконец парень медленно выпрямился.

– Будьте добры, верните меч на место, – с саркастической любезностью изрек моряк.

Доброволец подошел к лакированному столику, на котором были сложены мечи, и с неуклюжей осторожностью положил на него оружие.

Наконец-то я разглядел девушку. Она сидела неподвижно, прижав руки к левому боку, куда, вероятно, вонзился меч. Ничего похожего на кровь я не увидел, впрочем, при таком тусклом освещении ее можно было и не заметить. Но самое странное обстоятельство заключалось в том, что девушка, чьи глаза были широко открыты, а на губах играла улыбка, выглядела сейчас не только счастливой, но и красивой, несмотря на зеленую пудру, которая так испортила первое впечатление.

Доброволец, возвращаясь на свое место, прошел мимо меня. Хотя шатер был почти пуст, он уселся в точности там, где сидел прежде. Я не преминул рассмотреть его получше. Как и прежде, вид у него был самый заурядный.

– Следующий! – гаркнул шоумен, вновь превращаясь в сержанта.

На этот раз долго ждать не пришлось. Трое зрителей встали одновременно, и ведущему пришлось выбирать.

– Давайте вы! – изрек он, указав толстым пальцем в центр шатра.

Выбор пал на пожилого мужчину, дородного и лысого. Он был в темном костюме, что делало его наружность весьма респектабельной, и походил на удалившегося на покой начальника вокзала или же инспектора по электроснабжению. При ходьбе он слегка прихрамывал, и мне пришло в голову, что это, вероятно, связано с его бывшей работой.

События разворачивались в точности так же, как и в предыдущий раз, с тем лишь исключением, что второй участник оказался решительнее и не нуждался в понуканиях. Это относилось и к поцелую, который длился так же долго, как и у первого участника; но, возможно, на этот раз в нем было нечто отцовское. Когда толстяк отошел в сторону, я увидел, что девушка обеими руками держится за середину живота. Смотреть на это было мучительно.

Потом настала очередь третьего. Когда он вернулся на свое место, руки девушки зажимали горло.

Четвертый участник, простоватого вида парень в матерчатой кепке (которую он и не подумал снять, поднявшись на сцену) и спортивной куртке, такой же грязной и потрепанной, как шатер, в котором все мы находились, вонзил меч девушке в левое бедро, обтянутое чулком в сеточку. Когда он спустился, она держалась за ногу, но вид у нее был такой довольный, словно ей доставили великое наслаждение. И по-прежнему нигде ни капли крови.

Я сам не мог понять, хочу ли я видеть все подробности. Я был слишком ошарашен, чтобы разбираться в собственных желаниях.

Впрочем, разбираться в них не было ни малейшего смысла, так как я все равно не осмелился бы встать и пересесть на другое место, откуда открывался лучший обзор. Казалось, стоит мне пошевелиться, это сразу привлечет внимание ведущего, и он вызовет меня на сцену. А я был твердо уверен лишь в одном – что бы там ни происходило в действительности, участвовать в этом у меня нет ни малейшего желания. Возможно, это был фокус, возможно, нечто другое, совершенно для меня непостижимое; так или иначе, я не хотел, чтобы меня в это втягивали.

Но я осознавал: если я здесь останусь, рано или поздно наступит мой черед.

Однако пятым участником, вызванным на сцену, оказался не я. То был высокий, тощий, абсолютно черный негр. До сих пор я его не замечал. Несмотря на свою худобу, он вонзил меч с силой, которую принято ожидать от негра, и, выдернув, с грохотом швырнул оружие на сцену; до него никто так не поступал. Когда дошло до поцелуя, он приподнял девушку с шезлонга, заставив встать на ноги. Отойдя, задел ногой валявшийся на сцене меч, помедлил, пожирая девушку взглядом, и аккуратно положил оружие на столик.

Девушка по-прежнему стояла. Возможно, сейчас негр попытается поцеловать ее во второй раз, пронеслось у меня в голове. Однако он этого не сделал. Как видно, у этого немислимого шоу – если только это было шоу – имелись свои правила, о которых были осведомлены все участники. Все они вели себя так, словно были здесь завсегдатаями.

Вновь опустившись в свой ветхий шезлонг, девушка устремила взгляд на меня. Я не мог определить, какого цвета у нее глаза, однако точно знал, что у меня от их взгляда сжимается сердце. Никогда прежде оно так не сжималось; как я уже

сказал, в ту пору я был до крайности наивен и неопытен. Жуткая зеленая пудра не имела никакого значения. Все, что только что здесь произошло, не имело никакого значения. Я хотел эту девушку так, как никогда ничего не хотел. Не подумайте, что я воцелил исключительно ее тела. Подобные желания пришли ко мне позднее, с возрастом. Но в тот памятный момент я хотел любить ее, ласкать ее, холить и лелеять; в общем, делать все те прекрасные вещи, о которых мы мечтаем, пока не приходит время понять, что всем этим чудным мечтам не суждено воплотиться в реальности.

Но, справедливости ради, следует отметить, что у меня не было ни малейшего желания занять место в очереди.

Более того, этого мне хотелось меньше всего на свете. Однако же существовал один шанс из трех, что следующим на сцене окажусь именно я. Испутив глубокий вздох, я попытался пробраться к выходу. Не буду кривить душой и утверждать, что это было трудно. Я сидел в задней части шатра, и никто не пытался меня остановить. Парень у входа, заведя меня, молча разинул рот, как рыба. Как видно, он привык к тому, что некоторые слабонервные зрители покидают шоу, не дождавшись окончания. Когда я встал, мне показалось, что хамоватый моряк собирается меня окликнуть, но, разумеется, все это была лишь игра моего воображения. Скорее всего, ни он, ни кто-либо другой не обратил на мое бегство ни малейшего внимания. Как правило, посетители подобных представлений предпочитают вести себя так, словно они невидимы, и все, кто находится вокруг, соответственно, невидимы тоже. Я слегка запутался в грязном брезентовом пологе у входа, но парень в зеленом свитере и пальцем не шевельнул, чтобы мне помочь. Вырвавшись на свободу, я оказался на ярмарке, по-прежнему почти пустынной. Карусель все еще выпускала мелодичный звон, бессильный привлечь клиентов, но приятный. Вернувшись в свою ужасную комнату, я заперся на ключ.

По обыкновению, всю ночь в доме стоял шум и гам. Могу утверждать это с уверенностью, так как не сомкнул глаз. Впрочем, в ту ночь я не заснул бы, даже оказавшись в лучшем номере отеля «Хилтон», на шелковых простынях роскошной кровати. Зеленолицая девушка из шатра вошла в мою плоть и кровь, как и невероятное шоу, в котором она участвовала. Думаю, не будет преувеличением сказать: то, что я испытал в тот вечер, изменило траекторию моей жизни. Сна меня лишили отнюдь не вопли, доносившиеся из соседних комнат, не разборки и драки, то и дело вспыхивавшие на лестнице, и не постоянное бурчание унитаза – несомненно, самого шумного унитаза в

Мидленде, и к тому же требующего, чтобы для каждого смыва ручку дернули несколько раз. В ту ночь я осознал одну важную вещь: зачастую мы не имеем даже отдаленного понятия о своих истинных желаниях или же упускаем их из виду. Еще более важное обстоятельство состоит в том, что наши истинные желания несовместимы с реальной жизнью или же совместимы с ней чрезвычайно редко. В большинстве своем люди постигают эту истину весьма медленно и никогда не принимают ее до конца. На меня озарение снизошло сразу.

Но, возможно, не полностью, ибо еще многому суждено было случиться.

На следующий день мне предстояло сделать несколько деловых визитов, но задолго до того, как настало время первого из них, я оказался на маленькой, жалкой, пустынной ярмарке. Завтрак я пропустил – впрочем, завтраки в излюбленных меблированных комнатах дяди Элайаса были крайне скудны, и оставалось лишь удивляться, что на них собирается такая пропасть народу. У меня всегда возникал вопрос, где все эти люди прятались ночью. Что касается ярмарки, сам не знаю, зачем я туда потащился и что ожидал там увидеть. Честно говоря, я вообще не был уверен, что она существует не только в моем воображении.

Однако ярмарка существовала. При свете дня она выглядела еще более жалкой, печальной и обреченной, чем вечером. Погода стояла прекрасная, но здесь, в квартале пустующих домов и заброшенных фабрик, люди встречались редко. Ярмарка была совершенно пуста, что меня удивило. Я ожидал, что работники ярмарки ночуют здесь же, и лишь теперь осознал, что для ночлега здесь совершенно нет места. Как видно, все, кто здесь работал, подобно обычным людям, ночевали дома, в своих постелях. Участок окружала проволочная изгородь, которая, по мысли владельцев, должна была преградить доступ на ярмарку пьяницам и бродягам. Однако изгородь была не слишком высока, и, оглядевшись вокруг, я обнаружил в ней изрядную дыру, которую местная ребятня проделала ради забавы или же от нечего делать. Без труда протиснувшись в это отверстие, я направился напрямик к грязному шатру в дальнем углу ярмарки и, подойдя, попытался отдернуть полог у входа.

Однако выяснилось, что полог крепко привязан в нескольких местах, причем изнутри. Не представляю, как человек, завязавший полог так крепко, выбрался из шатра, закончив работу; то был один из маленьких фокусов, на которые способны работники ярмарок. Заглянуть внутрь не представлялось возможным,

разве что проделав в брезенте дыру при помощи перочинного ножа. Я уже почти решился на эту чрезвычайную меру, когда за моей спиной раздался голос:

– Что вам здесь нужно?

Обернувшись, я увидел крошечного старичка. Удивительно, что подошел он совершенно неслышно, хотя земля вокруг была жесткой и ухабистой. Ростом старик был чуть выше карлика, кожа коричневая, как конский каштан, на голове – ни единого волоска.

– Мне хотелось узнать, что там внутри, – проблеял я.

– Огромнейший питон длиной в две мили, который не платит за аренду, – изрек старикан.

– Вот как? – спросил я. – И у него есть поклонники?

– Есть, но все они – люди несовременные. Отставшие от моды. И ни одной женщины. Женщины не любят больших змей. Но в наши дни именно у женщин есть все: деньги, власть, слава. Вы вторглись в чужие владения, – добавил старик совсем другим тоном.

– Простите, старина, – вздохнул я. – В такое прекрасное утро трудно сдерживать свои желания.

– Я работаю здесь сторожем, – сообщил старый сморчок. – А прежде тоже держал змей. Только маленьких. У меня их было несколько дюжин. Они ползали по мне, одна ядовитей другой, глазки поблескивают, чешуйки переливаются, каждая то высунет язычок, то спрячет опять. Туда-сюда, туда-сюда. В конце концов мой номер перестал пользоваться спросом. Все на этом свете имеет начало и конец. Но мне нравятся ярмарки вроде этой. Поэтому я устроился сторожем. Пока эта ярмарка не сдохла. Пока все мы не сдохли. Надо двигаться. Двигаться. Двигаться.

Я медлил в нерешительности.

– Эта огромная змея, о которой вы говорили, – неуверенно начал я, – этот питон...

Но старик резко меня перебил.

– Больше я не скажу ни слова, понятно? – завизжал он. – Во всяком случае, типу вроде вас. Убирайтесь отсюда, да поживее! Или я позвоню полицейскому констеблю. К вашему сведению, мы с ним работаем в одной связке. И не даем спуска нарушителям. Вы, как я вижу, не знаете, какое это серьезное нарушение – вторгнуться в чужие владения. Убирайтесь немедленно, или я основательно испорчу вам жизнь.

Старый сморчок едва не набросился на меня с кулаками, хотя его коричневая макушка (кстати говоря, лысина у него не блестела, напротив, была тусклой и шершавой, словно у него были проблемы с кожей) едва доставала мне до пояса. Несомненно, передо мной был псих.

Проявив благоразумие, я не стал с ним связываться и ушел. Даже не спросил старика, в какое время начнется представление сегодня вечером, если оно вообще состоится. В глубине души я не был уверен, что у меня возникнет желание сюда вернуться.

Пора было отправляться на деловые встречи. Я провел бессонную ночь, со вчерашнего вечера, когда я выпил чашку чая, у меня маковой росинки во рту не было, и голова моя кружилась, как волчок. Тем не менее не скажу, что делами я занимался хуже, чем обычно. В тот день мне казалось, будто бы я ничего не соображаю, но теперь я понимаю: это было не так. За время, прошедшее с тех пор, у меня была возможность осознать, что наши личные драмы мало что меняют в способах нашего общения с окружающим миром; что касается еды и сна, их отсутствие начинает сказываться, только если обходиться без них как минимум неделю.

Итак, я решал деловые вопросы, действуя более или менее обычным образом (хотя, нужно сказать, в отношении моей работы принцип «обычным образом» работает далеко не всегда): мысли мои при этом упорно крутились вокруг событий вчерашнего вечера. Наступило время обеда. Я собирался перекусить в кафе, в котором пил чай вчера вечером, но, неожиданно для самого себя, оказался совсем в другой, совершенно мне незнакомой части города. Чувствуя,

что голова у меня кружится от голода, зашел в первое кафе, которое мне повстречалось.

Хотите верьте, хотите нет, но там, в самой середине зала, за пластиковым столиком сидела вчерашняя девушка из шатра, а рядом с ней – моряк-шоумен, сегодня еще более походивший на бывшего боксера.

У меня не было ни малейших оснований рассчитывать, что я когда-нибудь увижу эту девушку вновь. В жизни, полагал я, подобные вещи не случаются. Конечно, вечером я мог снова отправиться на это чудовищное шоу, но, полагая, поразмыслив хорошенько над всеми возможными последствиями, я отказался бы от подобного шага.

Девушка стерла с лица зеленую пудру, одета она была теперь в черный жакет, черную юбку и белую блузку – наряд, который выглядел на ней слишком старомодным, на ногах – вчерашние чулки в сетку. Ее спутник был одет в точности так, как вчера, за исключением обуви – грязные сандалии уступили место тяжелым ботинкам, облепленным грязью так густо, словно он только что гулял по полям.

Несмотря на обеденное время, кафе пустовало, из дюжины столиков занят был только один – тот, за которым сидела эта парочка. Голова у меня закружилась так, что я едва не потерял сознание.

Но не успел. Мужик в синем свитере меня узнал. Он встал и протянул ко мне толстую ручищу.

– Идите сюда, к нам.

Девушка тоже встала и сделала приглашающий жест.

Мне оставалось лишь подойти к их столику.

Мужчина предупредительно отодвинул для меня стул (все стулья в этом кафе были выкрашены в различные яркие цвета и обтянуты новой искусственной кожей). Девушка дожидалась стоя, пока я сяду, и лишь после этого села сама.

- Жаль, что вчера вы пропустили конец шоу, - сказал мужчина.

- Мне нужно было срочно вернуться в свои меблированные комнаты, - принялся я торопливо оправдываться. - В этом городе я новичок.

- Да, осваиваться в новом городе нелегко, - изрек мужчина. - Что будете заказывать?

Он держался так, словно мы с ним были закадычными друзьями, каковыми мы, вне всякого сомнения, не являлись. Я медлил в нерешительности.

- Чай или кофе?

- Чай, пожалуйста, - попросил я.

- Принеси чашку чая, Берт, - крикнул мужчина. Я заметил, что и он, и девушка пьют кофе, но выглядел он не слишком аппетитно, да и вообще я не большой любитель этого напитка.

- Мне бы хотелось что-нибудь съесть, - сказал я официантке, принесшей чай. - Спасибо, - повернулся я к шоумену.

- У нас есть сэндвичи с ветчиной, соленой говядиной и мясным рулетом. Пироги с мясом. Сосиски, - сообщила официантка. На левом нижнем веке у нее вспух жуткого вида ячмень.

- Пожалуй, я съел бы кусок пирога, - сказал я. Через некоторое время официантка принесла тарелку с пирогом, листочками салата и бутылочкой соуса. Я рассчитывал съесть что-нибудь горячее, но пирог таковым отнюдь не был.

- Сегодня вечером приходите снова, - пригласил мужчина.

- Не уверен, что смогу.

Руки у меня так тряслись, что я боялся расплескать чай; о том, как справиться с холодным пирогом, я боялся даже думать.

– Сегодня вечером вы можете прийти бесплатно. За счет заведения. Ведь вчера очередь до вас так и не дошла.

Тут девушка, которая до сей поры предоставляла право вести разговор мужчине, наградила меня нежной интимной улыбкой, словно между нами существовали какие-то особые отношения. Верхние пуговички ее белой блузки были расстегнуты, я мог увидеть больше, чем мне следовало видеть, – впрочем, в наши дни представления о том, что можно и что нельзя видеть мужчине, существенно отличаются от прежних. Даже без зеленой пудры девушка казалась очень бледной, а тело ее, судя по тому, что мне удалось увидеть, было таким же белым, как блузка. Я наконец смог разглядеть, какого цвета у нее глаза. Зеленые. Каким-то образом я знал об этом и раньше.

– В любом случае, – продолжал мужчина, – дела у нас идут так хреново, что один бесплатный зритель ничего не изменит.

Девушка метнула на него удивленный взгляд, словно недоумевая, зачем он пустился в подобные откровенности, потом вновь посмотрела на меня и произнесла:

– Приходите непременно.

Она проговорила это таким сладостно нежным тоном, словно ей и в самом деле было важно, приду я или нет. Более того, в ее речи слышался легкий акцент, который придавал ей дополнительный шарм – впрочем, она и без акцента обладала убойным шармом. Девушка сделала маленький глоток кофе.

– Дело в том, что на вечер у меня уже назначена встреча, – пробормотал я. – Так что не знаю, смогу ли прийти.

– Конечно, мы не можем настаивать, чтобы из-за нас вы нарушали свои планы, – произнесла девушка со своим упоительным акцентом. Прозвучали ее слова так, как будто имели в точности противоположное значение.

Я позволил себе немного больше искренности.

– Думаю, сегодняшнюю встречу я могу отменить. Но, если вы не возражаете, буду с вами откровенен. Мне бы не хотелось вновь оказаться в обществе типов вроде тех, что пришли на ваше представление вчера вечером.

– Вас трудно упрекнуть за подобное нежелание.

К моему великому облегчению, мужчина произнес это без всякой обиды.

– А что скажете, если мы устроим частное шоу? Только для вас?

Он предлагал это так спокойно, словно речь шла о самой обычной вещи на земле или же я был Чарльзом Клором[2 - Чарльз Клор (1904–1979) – британский финансист, магнат и филантроп.].

Меня это настолько поразило, что я выпалил:

– Ну и ну! И что, кроме меня в шатре никого не будет?

– Нет, я имел в виду несколько другое. Мы можем устроить шоу у вас дома, – уточнил мужчина, по-прежнему самым обыденным тоном, и шумно отпил из своей розовой фаянсовой чашки. Пока он говорил, девушка бросила на меня быстрый взгляд, разящий прямо в сердце. На несколько мгновений мне показалось, что все мои внутренности размягчились и превратились в воду. Я уставился на тарелку, где лежал нетронутый кусок дурацкого пирога, несколько листьев салата и соус. С моей стороны было до крайности глупо заказывать еду, хотя, согласно бытующей теории, человеку она время от времени необходима.

– Можем устроить шоу с мечами, можем обойтись без них, – продолжал мужчина, закурив дешевую сигарету. – Мадонна способна выполнить любое ваше желание. Все, что вы только сможете придумать.

Я осмелился заговорить с девушкой напрямую.

– Вас действительно зовут Мадонна? Очаровательно!

– Нет, – негромко ответила она. – Это не настоящее имя. Это сценический псевдоним.

Она повернула голову, и глаза наши снова встретились.

- Думаю, ничего страшного тут нет, - вставил мужчина. - Мы же не католики. Хотя Мадонна прежде была католичкой.

- Мне нравится этот псевдоним, - кивнул я и снова уставился на пирог, не зная, что с ним делать. Проглотить даже крохотный кусочек я был не в состоянии.

- Разумеется, частное шоу будет стоить несколько дороже двух шиллингов, - продолжал мужчина. - Но все будет так, как вы захотите, и, повторяю, Мадонна выполнит любое ваше пожелание.

Я заметил, что он начал говорить в точности так, как говорил в своем шатре во время представления: взгляд его был устремлен не на меня и не на девушку, а куда-то в пространство, словно он повторял набившее оскомину заклинание, надеясь, что на этот раз оно сработает.

Я уже собирался сказать, что у меня нет денег - это вполне соответствовало истине. Но почему-то не сказал.

- Когда мы сможем это устроить? - спросил я.

- Да хоть сегодня вечером, - ответил мужчина. - Сразу после нашего обычного шоу. Думаю, мы освободимся не слишком поздно. Мадонна сможет быть у вас уже в четверть десятого. Сегодня ночных представлений у нас нет, так что спешить ей некуда. У нее будет время показать вам все свои новые трюки, если, разумеется, вы этого захотите. Кстати, у вас есть подходящее место? Мадонна у нас не требовательна. Все, что нужно, - комната, которую можно запереть на ключ, чтобы не лезли любопытные, охочие до бесплатных зрелищ. Ну и еще там должна быть раковина, где она сможет вымыть руки.

- Да, - кивнул я. - Собственно говоря, комната, где я остановился, вполне подходит, хотя ей не помешало бы быть посветлее и потише.

Мадонна бросила на меня очередной сладостный взгляд.

- Что ж, прекрасно, - тихо проронила она.

Я написал адрес на бумаге, которую обнаружил на столе, оторвал кусочек и вручил его девушке.

– Что вы скажете о сумме в десять фунтов? – произнес мужчина, буравя меня своими маленькими глазками. – Обычно я беру двадцать, а иногда и пятьдесят. Но Вулверхэмптон не Коста-Брава, а вы, как я вижу, человек утонченных вкусов.

– Почему вы так решили? – спросил я, главным образом для того, чтобы выгадать время и придумать, где достать деньги.

– Я понял это еще вчера, увидев, на какое место вы сели. Поверите ли, на каждое наше шоу приходит зритель, который выбирает именно это место. Место для людей с утонченным вкусом. Я уже понял, таких людей не стоит вытаскивать на сцену, потому что они этого не хотят. У них слишком нежная душа, и я их за это уважаю. Кстати, такие зрители часто уходят, не дождавшись конца, – в точности как вы. Но я все равно радуюсь, когда они есть. Они, так сказать, поднимают наш уровень. Именно они интересуются частными представлениями и готовы за них заплатить. А я, как вы понимаете, должен заботиться и о финансовой стороне вопроса.

– У меня сейчас нет десяти фунтов наличными, – признался я. – Но, полагаю, я сумею их раздобыть, даже если мне придется нарушить закон.

– В этом мире нам часто приходится нарушать закон, – изрек мужчина. – В особенности если мы любим пожить красиво.

– В вашем распоряжении почти целый день, – сказала девушка, сопроводив свои слова одобрительной улыбкой.

– Выпьете еще чашечку чая? – осведомился мужчина.

– Нет, спасибо.

– Точно?

– Точно.

– Тогда мы пойдем. Сегодня у нас назначено дневное шоу, но выступить, скорее всего, придется перед горсткой детей. Скажу Мадонне, чтобы она даром не растрачивала силы. Берегла себя для вашей вечерней встречи.

По пути к дверям девушка обернулась и бросила на меня взгляд – долгий и многообещающий. Когда она встала, я обратил внимание, что вся ее одежда для нее несколько велика: юбка слишком длинна, жакет и блузка сидят мешковато, словно эти вещи принадлежали не ей. В довершение всего меня пронзила острая жалость к ней. Какие бы фокусы они с напарником ни устраивали во время шоу, жизнь у этой девушки была явно не из легких.

И мужчина, и девушка сочли за благо не упоминать о моем нетронutom пироге. Я завернул его в салфетку и сунул в портфель, оставив салат на тарелке, заплатил по счету и отправился на следующую встречу.

Для того чтобы добыть деньги, не пришлось совершать ничего противозаконного.

Трудно было предполагать, что в тот день я сумею настроиться на решение деловых вопросов, однако я изо всех сил старался это сделать; я чувствовал, что захожу в темные безбрежные воды и что мне следует, доколе это возможно, не упускать из виду сушу. Итак, я заставил себя продолжить обход магазинов, и в одном из них произошло нечто совершенно неожиданное: стоявшая передо мной задача разрешилась без всяких усилий с моей стороны. Владелец магазина, приятный седовласый джентльмен по имени мистер Эдис, казалось, только и ждал, когда я войду в дверь, чтобы прийти мне на помощь. Отлично, что старому астматику Бэнтоку нашли замену, заявил хозяин (кажется, я до сих пор не упоминал о том, что Бэнтонк страдал астмой, но это было известно всем). Судя по блеску у меня в глазах, я прекрасный парень, продолжал он. Да, именно так он сказал, уверен, что я ничего не привираю: судя по тому, что произошло дальше, я действительно ему понравился. Он спросил, что я намерен делать нынешним вечером. Испытав приступ гордости – ведь прежде мне не часто приходилось давать подобный ответ и при этом не кривить душой, – я сообщил, что у меня свидание с девушкой.

– С девушкой из Вулверхэмптона? – уточнил он.

– Да. Мы с ней познакомились вчера, когда я только приехал в город.

Меня самого удивило, что я сделал подобное признание: как видно, у меня возникла потребность укрепить мистера Эдиса в хорошем мнении о моей персоне.

– И какова она из себя? – спросил он, полузакрыв глаза, так что я разглядел его красные морщинистые веки.

– Она восхитительна!

Говоря о своих девушках, мужчины обычно употребляют именно такие избитые выражения; слов, передающих мои истинные чувства, я найти не мог.

– У вас достаточно монет, чтобы весело провести с ней время?

Я был так поражен этим вопросом, что лишился дара речи; мистер Эдис продолжал, не дожидаясь моего ответа.

– Сможете ее чем-нибудь побаловать?

Я видел, что возбуждение его растет с каждой секундой.

– Честно говоря, мистер Эдис, с деньгами у меня проблема, – пробормотал я. – Вы же знаете, я только начинаю работать.

Про себя я решил, что попробую вытянуть у него фунт, разумеется, взаймы; народ в Мидленде, как известно, прижимист.

Но он неожиданно вытащил купюру в пять фунтов и помахал ею у меня перед носом.

– Деньги ваши – на одном условии.

– Сделаю все, чтобы выполнить это условие, мистер Эдис.

– Приходите завтра утром после того, как моя жена уйдет на работу – она работает инспектором дорожной полиции и пропадает целыми днями, – так вот,

приходите сюда и расскажите мне о вашем свидании во всех подробностях.

Идея отнюдь не пришлась мне по душе, но я моментально сообразил, что смогу наврать с три короба или даже нарушить соглашение и не приходить вовсе; к тому же другой возможности раздобыть деньги у меня не имелось.

– Конечно, мистер Эдис. Без проблем.

Он вручил мне купюру.

– Вы славный мальчик, – произнес он. – Потратьте на вашу подружку эти деньги и взамен получите все удовольствия, что она может предоставить. Когда дойдет до самого главного, вспомните обо мне. Впрочем, понимаю, это вы вряд ли сделаете.

Что касается недостающих пяти фунтов, то я решил, что возьму их из суммы, выданной мне на дорожные расходы; я сознавал, что неделю-другую мне придется отказывать себе во всем и, возможно, немного помухлевать с кассовыми книгами – этим мы все время от времени занимались. Надо сказать, в ту юношескую пору моей жизни разговоры о деньгах были мне ненавистны. Я ненавидел эти разговоры даже сильнее, чем работу, дающую возможность деньги получить. Мадонна отнюдь не казалась мне продажной женщиной; если бы я считал ее таковой, я бы себя презирал. Судя по тому, как она держалась, она тоже не воспринимала меня как источник доходов. Как именно она меня воспринимала, я не мог себе представить и потому пытался не думать об этом вовсе...

Меблированные комнаты, рекомендованные дядей Элайасом, не относились к числу заведений, где посетителям достаточно позвонить в дверной колокольчик, чтобы их впустил швейцар. Для того чтобы проникнуть туда, не будучи постояльцем, следовало приложить немало усилий; оказавшись внутри, приходилось затратить еще больше усилий, чтобы найти нужного вам человека. Именно поэтому я счел за благо встретить Мадонну и с половины десятого принялся прогуливаться по улице взад-вперед. Не перед самым домом, где располагались меблирашки – это могло вызвать ненужные вопросы и осложнения, – а в некотором отдалении. Шагая туда-сюда, я выглядывал ее во все глаза и напрягал уши, пытаясь услышать цоканье легких каблучков по асфальту. Сумерки сгущались, но еще не окончательно стемнело. Прохожих на

улице было мало – отчасти потому, что шел мелкий дождь, который не редкость в Мидленде; легкая морось, которую вы едва замечаете, но которая тем не менее способна промочить вас насквозь. Если бы не этот дождь, я наверняка вышел бы из дома еще раньше. Полагаю, излишне упоминать о том, что весь день я метался, как кот на раскаленной крыше. В промежутке между визитами в магазины я уселся на скамейку и под начинающимся дождем впихнул в себя кусок злополучного пирога. Где-то в половине шестого я выпил чашку чая с рогаликом в кафе, в котором был вчера вечером. Ни есть, ни пить совершенно не хотелось. Но я понимал: учитывая то, что мне предстоит, подкрепиться необходимо. Впрочем, надо признать, я даже отдаленно не представлял, что именно мне предстоит. Когда доходит до первого опыта, он всегда непредсказуем, вне зависимости от того, мало или много вам рассказывали желающие просветить ваше невежество. Я изводился бы от волнения, ожидая любую женщину, не говоря уже о моей обожаемой Мадонне.

И вот она появилась, точно в назначенное время или даже чуточку раньше. Одета она была так же, как нынешним утром. Чрезмерно старомодная одежда, которая к тому же была ей велика; ни зонтика, ни плаща, ни шляпы у нее не имелось.

– Вы промокнете насквозь, – пробормотал я.

Она не ответила. Но, как мне показалось, взгляд ее говорил о том, что она рада меня видеть. Если она и напудрилась своей жуткой зеленой пудрой, ее без остатка смыл дождь.

Я думал, она принесет что-нибудь с собой, но в руках у нее не оказалось даже дамской сумочки.

– Входите, – сказал я.

Постояльцам меблированных комнат выдавался ключ от входных дверей (взамен они должны были оставить залог), и, слава богу, мы пересекли холл, никого не встретив. Хотя моя комната находилась на самом верхнем этаже, мы не только ни с кем не столкнулись на лестнице, но даже не слышали звука удаляющихся шагов.

Оказавшись в комнате, она опустилась на кровать и бросила выразительный взгляд на дверь. Вспомнив утренний разговор, я поспешно повернул ключ в замке. Кстати, я сделал бы это в любом случае. В заведениях подобного рода у постояльцев входит в привычку всегда запирать дверь на ключ. Свет я не стал включать. Комната была слишком убогой, и мне не хотелось, чтобы Мадонна разглядывала ее при ярком освещении.

– Вы наверняка промокли насквозь, – сказал я. Путь от ярмарки до меблированных комнат был недалек, но, как я уже сказал, эта мелкая морось обладает способностью мгновенно пропитывать влагой все и вся.

Мадонна встала и сняла свой черный мешковатый жакет. Я взял его у нее из рук и повесил на ручку двери. Не то чтобы с жакета капало, но он действительно промок, и, когда она встала, я заметил влажное пятно на покрывале. Она по-прежнему не произносила ни слова. По всей вероятности, у нее не было ни малейшего желания разговаривать.

Ее белая блузка тоже промокла. Я заметил это, несмотря на царивший в комнате сумрак. На плечах ткань потемнела и прилипла к телу на одном плече сильнее, на другом меньше. Теперь, когда она сняла жакет, блузка выглядела еще более просторной и бесформенной, чем прежде. К тому же рукава у нее были слишком длинны и теперь, без жакета, наполовину закрывали ладони девушки. Мысленно я представил женщину, которой эта блузка подходила бы по размеру, – высокую и полную, совершенно не в моем вкусе.

– Вам лучше это снять, – с усилием выдавил я из себя.

Полагаю, что природное чутье непременно приходит на помощь даже новичкам, и ему лишь нужно дать возможность проявиться. Мадонна дала мне такую возможность, по крайней мере, я чувствовал, что это так. Благодаря ей я провел несколько невыразимо сладостных минут; прежде я и представить себе не мог, что в жизни бывают подобные минуты.

По-прежнему не говоря ни слова, она сняла блузку и повесила ее на спинку единственного в комнате стула.

Еще в кафе я разглядел, что под блузкой у нее надето что-то черное, но лишь сейчас понял – это то самое облегающее блестящее платье, которое было на ней

во время шоу, платье, которое делало ее похожей на француженку.

Мадонна сняла юбку, и я положил ее на сиденье стула. Теперь девушка стояла передо мной в своем черном открытом платье, в туфлях на высоченных каблуках. Выглядела она так, словно ей предстояло выйти на сцену, но именно это меня разочаровало.

Она стояла, готовая выполнять мои желания.

Я заметил, что платье тоже промокло, по крайней мере местами, но предложить ей снять его у меня не хватило смелости.

Наконец Мадонна открыла рот.

– С чего ты хочешь начать? – спросила она.

Голос ее был так прекрасен, вопрос, который она задала, – так искустителен, что внутренние мои тормоза мгновенно сдали и я сжал ее в объятиях. Никогда прежде я не обнимал женщину, так что можете себе представить, что? я в этот момент испытал.

Она никак не откликнулась на мои прикосновения, и я решил, что сделал что-то не так. Учитывая мою абсолютную неопытность, в этом не было ничего удивительного.

Но помимо моих действий, не так пошло еще кое-что. Как я уже сказал, я впервые держал в объятиях полуобнаженную женщину, хотя сам был полностью одет. Так вот, коснувшись ее тела, я внезапно ощутил разочарование. Это было настоящим шоком, тяжелым шоком, неизбежным всякий раз, когда фантазии уступают место реальности. Внезапно все происходящее стало напоминать дурной сон.

Разжав руки, я отступил на шаг и пробормотал:

– Простите.

Она улыбнулась своей ласковой улыбкой.

– Как тебе будет угодно.

Она держалась очень мило, но все мои чувства к ней внезапно улетучились. Вы сами знаете, порой сущий пустяк способен остудить пыл нашего желания, впрочем, если подобное происходит, значит, это не такой уж пустяк. Не исключено, столь резкое охлаждение было следствием моей абсолютной неподготовленности. Вы уже поняли, по части отношений с женщинами я был до крайности отсталым молодым человеком, и, возможно, причина, по которой все внезапно разладилось, заключалась именно в этом.

А может, все дело было в фокусах с мечами, которые она показывала. У ее организма имелась какая-то странная особенность, а может, тот тип в синем свитере ее гипнотизировал или что-то в этом роде.

– Скажи мне, чего ты хочешь, – шепнула она, потупившись и глядя на потертый ковер на полу.

Нельзя быть таким дураком, сказал я себе. Нельзя столь откровенно выказывать свою неопытность.

– Сними платье, оно мокрое, – произнес я. – Забирайся в кровать, согрейся.

Она беспрекословно выполнила распоряжение – выскользнула из своей блестящей чешуи, сбросила сексуальные туфли, стянула чулки в сеточку. Передо мной стояла моя первая женщина, но в комнате было так темно, что я практически ее не видел. Мысль о том, чтобы заниматься любовью при свете тусклой лампочки, внушала мне отвращение; электричество сделало бы мою жалкую каморку еще более жалкой.

Мадонна послушно забралась в постель, и я тут же присоединился к ней.

Да, она была очень послушна, она делала в точности то, что я говорил, как и обещал мужчина в синем свитере. Однако я по-прежнему ощущал разочарование. Тело ее казалось мне недостаточно привлекательным, оно было слишком бледным – пожалуй, здесь можно будет употребить даже слово «дряблым» – и уж точно не походило на соблазнительные женские тела, которые я рисовал в своих фантазиях. Тем не менее она предоставляла мне возможность

первого опыта, возможность, которую я так ждал. Одно я могу сказать точно: с первой до последней минуты девушка не произнесла ни одного лишнего слова. Впоследствии мне пришлось узнать, что так бывает далеко не всегда.

Но все шло совершенно не так, как надо. Например, мы почему-то пропустили прелюдию, состоящую из ласк и поцелуев. Я был до краев полон романтических бредней, однако сознавал, что Мадонна, несмотря на ее пленительную улыбку, мягкий голос и все те милые слова, которые она говорила, вряд ли сможет действовать в романтическом ключе. Она была слишком доступна и не затрагивала лучших струн моей души. Впечатление было такое, словно я просто получаю новую информацию, несомненно важную, но при этом ничуть не затрагивающую мои эмоции. Такое в жизни случается нередко, но, согласитесь, ужасно, когда подобное равнодушие возникает в ситуации, о которой идет речь. Тем более, ведь совсем недавно чувства переполняли меня до краев.

- Давай просыпайся! - сердито буркнул я.

Это было несправедливо - девушка вовсе не казалась сонной. Но, повторяю, я был разочарован, и разочарование мое казалось тем более горьким, что я не мог понять его причину. Я чувствовал лишь - все, что наполняет мою жизнь, поставлено под угрозу.

Мадонна негромко застонала.

Отбросив смятые простыни, я придвинулся к ней. Она распласталась рядом, вся серая - или же казавшаяся таковой в тусклом вечернем свете. Даже волосы ее были бесцветными, точнее практически невидимыми.

Тут я сделал то, что, полагаю, оказалось серьезной ошибкой. Крепко сжал обеими руками ее левое запястье и попытался подтащить ее поближе, так, чтобы тела наши тесно соприкасались. Я собирался покрыть ей поцелуями шею и грудь - если она, конечно, достаточно меня распалит. Каковыми бы ни были мои намерения, я причинил ей боль, а делать этого не следовало. Разумеется, ничего особенно ужасного в этом не было. Думаю, вы согласитесь со мной, люди часто причиняют друг другу боль в подобных обстоятельствах.

Но то, что произошло между нами в тот вечер, обернулось настоящим кошмаром. Это было так ужасно и так просто, что, когда я об этом рассказываю, никто мне

обычно не верит. Я, разочарованный и раздраженный, резко потянул Мадонну за руку. Она придвинулась ко мне и тут же, издав сдавленный стон, подалась назад. Я по-прежнему сжимал ее запястье обеими руками и не сразу осознал, что произошло. Произошло же вот что: я оторвал ей левую руку.

В следующее мгновение девушка выскочила из постели и, извиваясь от боли, бросилась к стулу, на котором висела ее одежда. Несмотря на то что в комнате было почти темно, она двигалась очень быстро. Похолодев от ужаса, я наблюдал, как она мечется по комнате, размахивая одной рукой; было непонятно, как она вообще двигается. Все это время она поскуливала или, точнее сказать, жалобно подвывала. Звук, который она производила, был очень тихим, таким тихим, что порой мне начинало казаться, будто бы он раздается у меня в голове.

Я спустил ноги с кровати, намереваясь зажечь свет. Единственный в комнате выключатель находился на стене у двери. Мне казалось, при свете проще будет найти объяснение произошедшему. Но выяснилось, что я не могу добраться до выключателя. Во-первых, мысль о том, что по пути придется, пусть даже случайно, прикоснуться к Мадонне, была для меня невыносима. Во-вторых, ноги решительно отказывались слушаться. Меня парализовал страх. Страх, потрясение и еще некое, невыразимое словами чувство, связанное с сексуальным разочарованием.

Итак, я неподвижно сидел на кровати, пока Мадонна добралась до своих вещей, не переставая тихонько подвывать; никогда мне не забыть этого душераздирающего звука. Правда, длился весь этот кошмар недолго. Как я уже сказал, Мадонна сохранила удивительное проворство. Я молчал, ибо не представлял, что? можно сказать в подобных обстоятельствах. Да и времени на размышление у меня не было.

Одевшись, она сделала какое-то странное движение в мою сторону, словно хотела схватить нечто, витающее в темноте. Затем повернула ключ в замке и выскочила в коридор.

Дверь она оставила открытой, так что я видел темную лестничную площадку (свет на лестнице, разумеется, включался только на пару секунд) и слышал стук ее каблучков – сначала по лестнице, потом по улице, такой легкой и непринужденный, словно девушка покинула меня, прекрасно проведя время. По пути ей, похоже, никто не встретился – постоянные клиенты этого заведения

оживлялись значительно позднее.

То, что я испытывал, точнее всего определяет слово «шок». Взгляд мой блуждал по моей собственной одежде, валявшейся на полу, моему плащу, висевшему в углу. По развороченной постели. Выглядела она так, словно на кровати вдоволь порезвилось какое-нибудь огромное чудовище. Но нигде не было видно ни капли крови. В точности так, как и в случае с мечами.

Стоило подумать о том, что? я натворил, горло сжал спазм, и меня внезапно вырвало. Водопровода в комнате не было, и я почти наполнил своей блевотиной старый умывальный таз, расписанный поблекшими цветами.

Отдышавшись, я растянулся на измятой постели, слишком измученный для того, чтобы убрать за собой, выключил свет и в темноте что-то на себя натянул – я так и не оделся, а в комнате становилось все холоднее.

Через некоторое время на лестнице и в других номерах началась обычная ночная возня. Вдруг совершенно неожиданно кто-то постучал мне в дверь – негромко, но настойчиво, так, как стучит человек, пришедший по делу.

В мебелированных комнатах подобного сорта спрашивать, кто это, было не слишком принято. Я встал на ноги, которые по-прежнему слушались меня плохо, за неимением халата накинул плащ, хотя особой необходимости в подобном соблюдении приличий не было, и открыл дверь. Надеяться на то, что стучавший угомонится и уберется подобру-поздорову, не приходилось.

На пороге стоял субъект в синем свитере; моряк, шоумен или кем он там был. Внутренний голос и раньше подсказывал мне, что это именно он.

Полагаю, я имел весьма жалкий вид, когда стоял, потупившись и сотрясаясь всем телом в своем мокром плаще под аккомпанемент воплей, доносившихся из соседних комнат. Разумеется, я понятия не имел, какой будет его реакция на случившееся.

И меня это не волновало. Ничуть.

– Ну как, шоу прошло на уровне? – спросил он. Взгляд его был устремлен в пространство, словно он стоял на сцене у себя в шатре, но голос звучал вполне дружелюбно, побуждая отвечать в том же дружелюбном тоне.

– Думаю, да, – выдавил я.

Полагаю, ответ прозвучал не слишком убедительно, но моего визитера он вполне удовлетворил.

– Рад слышать, – кивнул он. – Могу я получить деньги? Простите, что вырываю вас из объятий сна, но мы уезжаем завтра рано утром.

Я не знал, в какой именно момент должен буду заплатить, поэтому, отправляясь на улицу встречать Мадонну, приготовил десять фунтов – пять мистера Эдиса и пять своих собственных, – сложив их аккуратной стопкой на комод.

Взяв деньги, я протянул их ему.

– Благодарю вас, – кивнул он, пересчитал деньги и сунул в карман брюк. Теперь, когда он стоял рядом, я заметил, что брюки у него такого фасона, как носят моряки.

– Все было нормально? – осведомился он.

– Думаю, да, – повторил я, изо всех сил пытаюсь изгнать из памяти картины того, что произошло нынешним вечером.

Он вперил в меня свои маленькие, глубоко посаженные глаза.

В этот момент с нижнего этажа донесся дикий визг. Никогда прежде я не слышал такого пронзительного визга. Даже в этих меблированных комнатах.

Но моряк и бровью не повел.

– Рад слышать, – изрек он.

После необъяснимого секундного колебания он протянул мне руку. Я пожал ее. Рука у него оказалась сильной, но больше ничего примечательного в ней не было.

– Не переживайте, мы еще встретимся, – сказал он на прощание, повернулся и нажал кнопку выключателя, на несколько секунд включив свет на лестнице. По-прежнему дрожа всем телом, я проводил его глазами.

С тех пор, несмотря на его обещание, пути наши ни разу не пересекались.

Истинный путь к церкви

Впрочем, верен ли такой перевод? *Le vrai chemin de l'église*? Символическая подоплека разговора была очевидной, но все-таки Розу мучили сомнения: что, если фраза имеет элементарный топографический смысл? Иногда мы напрасно приписываем таинственные подтексты простым словам простых людей.

Возможно, речь шла всего лишь о наиболее простой, наиболее прямой (и возможно, наиболее древней) дороге; в отличие от нового (впрочем, далеко не очень нового) засыпанного щебенкой шоссе, она не огибала границы частных владений, а пересекала их. Хотя сейчас, размышляла Роза, все дороги прокладываются напрямик, не совершая вежливых обходных маневров. Именно так; пожалуй, это тоже символ, подумала Роза. Символ постоянных перемен, которые происходят во внешнем мире; символ ее места в этом самом мире, которое никак не может определиться. Но стоит только начать размышлять подобным образом, как все явления становятся символами других вещей. Тот, кто признает существование нескольких равноправных истин, лишает себя возможности опереться на одну из них и, следовательно, утрачивает способность обрести покой. Скорее всего, простые люди, употребившие эту фразу, и думать не думали о многочисленных толкованиях, которые ей можно придать. То был немудрящий разговор, и смысл его так же элементарен, как отличие между правой и левой рукой. Условности – это то, что защищает нас от леденящего вакуума, правда защита часто оказывается слабой и ненадежной.

Сейчас Роза дрожала всем телом, стоя в гостиной усадьбы Ла-Вид (если только эта комната заслуживала названия гостиной) и размышляя о странном тоне,

который мадам Дюкен – столь аристократическое имя носила ее новая экономка – усвоила в разговорах с ней. Не только фамилия мадам Дюкен была отголоском высокого происхождения. За годы, проведенные за границей, Роза прочла множество книг; как ей самой казалось, читала она по большей части для того, чтобы скоротать время в ожидании очередного мужчины. Так вот, мадам Дюкен напоминала ей Тэсс из рода д'Эрбервиллей, хотя, разумеется, была значительно старше этой героини.

За те два года, которые Роза провела в Париже (правда, все ее мужчины были исключительно англичанами), ее ограниченный запас французских слов заметно обогатился, но в общении с жителями острова это служило слабым подспорьем. Язык, на котором они изъяснялись, мало походил на патуа – скорее это был гибрид латыни и какого-то скандинавского наречья. В жизни у Розы был период, когда она жила в Стокгольме с самым настоящим шведом (бесспорно, то был худший период в ее жизни, который длился более года и закончился нервным срывом); однако шведский язык (никогда ей не забыть его звучания) не имел ничего общего с языком мадам Дюкен и ее знакомых. Если бы мадам Дюкен говорила на внятном английском, Роза вряд ли ее наняла бы. Людей, владеющих местным наречьем, оставалось немного, и именно по этой причине Розе хотелось, чтобы в доме у нее служил именно такой человек. Она заранее мирилась со всеми трудностями, проистекающими из подобного обстоятельства, и была готова на жертвы.

Роза была глубоко убеждена, что те загадочные и двусмысленные замечания, которыми уснащали свою речь мадам Дюкен и ее друзья, в большинстве своем не поддаются буквальному переводу на английский. Она предполагала, что ныне пребывает в сфере, где бессильны доводы разума и соображения здравого смысла. Порой у нее пересыхало в глотке, и она знала, что, открой она рот, оттуда вырвется лишь хриплое карканье; тогда она объяснялась с мадам Дюкен посредством постукиваний по кухонному столу (хотя таких слов, как «стол» и «кухня», они не употребляли). Когда дело доходило до выбора, по-своему весьма важного, между тем или другим сортом стирального порошка, мадам Дюкен переходила на незамысловатый язык английской рекламы; но ее пророчества, или, по крайней мере, предостережения, касавшиеся Розы и места ее обитания, были столь же невняты, как предсказания античных оракулов. Всякий, кто находился в кухне, которая на местном наречье имела совсем иное название, замирал, когда мадам Дюкен изрекала свои простые и непреложные истины. Возможно, именно в таком благоговейном молчании люди сидели вокруг алтаря в Дельфах.

Розе было известно, что до того, как она купила Ла-Вид, тот много лет пустовал. Едва увидев этот дом, она заподозрила, что тут водятся привидения; однако за то время, что она здесь провела, они никак себя не проявили. Меж тем подходил к концу первый год жизни в этом доме, хотя случайный посетитель вряд ли поверил бы в это – столь нежилыми по-прежнему казались комнаты.

Дом продавался на удивление дешево, так что ограниченных средств, которыми располагала Роза, вполне хватило на покупку, и это обстоятельство тоже относилось к разряду настораживающих. Роза обладала достаточным жизненным опытом, чтобы догадаться: тут могут скрываться проблемы. Но в течение минувшего года она поняла лишь одно: весь этот дом – одна сплошная проблема.

Со временем Роза пришла к выводу, что причина, по которой Ла-Вид пустовал так долго, заключалась отнюдь не в самой усадьбе. Причина эта крылась в сословиях, на которые до сей поры разделялось население острова. Во-первых, тут проживало несколько весьма древних аристократических семей, которые обитали в обветшалых замках, окруженных заросшими рвами. Во-вторых, здесь обосновалось немало людей, покинувших Англию лишь потому, что там от них требовали платить налоги; как правило, то были унылого вида типы с редкостно пронзительными голосами, одетые по моде давно минувших лет; казалось, у них вовсе нет домов, и потому они проводят все время в дешевых барах и ресторанах, никогда не напиваясь по-настоящему, но и не пребывая в трезвости. Третья группа была самой большой; ее составляли процветающие фермеры, их поставщики и агенты. Эти жили в новых или недавно отремонтированных капитальных домах и бунгало; надо сказать, между ними существовала весьма жесткая конкуренция. И наконец, в четвертую группу входили немногочисленные аборигены, или, иными словами, коренные жители; численность их, и так весьма незначительная в сравнении с прочими группами, постоянно сокращалась; им принадлежало не более одного процента местных жилых зданий, и, как правило, то были небольшие старинные домики, возведенные из прочного камня. Представители первых трех групп не рассматривали Ла-Вид как возможное жилище, представители же четвертой в нем не нуждались. Утверждали, что конец томатного бума близок; но, если подобным прогнозам суждено было осуществиться, фермеры, занятые выращиванием помидоров, вряд ли планировали поселиться в Ла-Виде; скорее они намеревались перебраться в Австралию.

Более того, в Ла-Вид вела одна-единственная ухабистая дорога, которая поднималась наверх, петляя между холмов; по ней трудно было катить детские коляски, а уж седан здесь просто никак не мог проехать. Кстати, именно эта дорога служила предметом загадочных разговоров мадам Дюкен и ее друзей; Роза постоянно тревожилась о том, что ее экономке будет трудно добираться в Ла-Вид в сезон зимних дождей, который им вскоре предстояло пережить вновь (Роза приехала на остров в октябре, почти год назад, но в первую ее зиму здесь мадам Дюкен еще не вошла в ее жизнь).

По-прежнему дрожа, Роза опустилась в кресло у маленького камина; ее не оставляли мысли о минувшем разговоре, смысл его по-прежнему представлялся ей туманным и ускользающим. Я слишком чувствительна, подумала она, наверное, уже в сотый, а то и в тысячный раз; впрочем, мысль эта не нуждалась в том, чтобы облекать ее в слова. Роза пребывала в столь сильном беспокойстве (причины которого на сей раз были не вполне понятны ей самой), что вполне могла подумать «я сошла с ума»; подобное признание могло до некоторой степени ее успокоить, ибо предполагало, что она не несет ответственности за себя и за последствия своего побега. Однако вместо этого она употребила слово «чувствительна», и мысль о том, что в данных обстоятельствах оно может приобрести совершенно новый смысл, пронзила ее насквозь. Пятнадцать лет назад Деннис заявил, что с первого взгляда предположил в ней наличие «чувствительности», и именно по этой причине «ею заинтересовался». Он всегда проявлял особую озабоченность подобными материями и мог говорить о них до бесконечности, хотя, возможно, все эти разговоры не имели особого значения. Так или иначе, в скором времени он встретил какую-то девушку из Индокитая, которая оказалась еще более чувствительной, и уверился – если только Деннис когда-либо был хоть в чем-то уверен – в том, что именно с ней ему следует жить. Деннис растолковал Розе, что «чувствительность» в его понимании не имеет ничего общего с тем смыслом, которое придает этому слову весь остальной мир. Роза вполне разделяла его взгляды и приняла решение при любых обстоятельствах не воспринимать себя как обладательницу неких исключительных психологических особенностей. До недавних пор она и не вспоминала о своей чувствительности. Если я и в самом деле чувствительна, значит, Дюкен и ей подобные должны это ощутить, рассуждала она. Всякий раз, когда Роза посещала мадам Дюкен в ее жилище, что она, к своему собственному удивлению, делала довольно часто, она обнаруживала там целую толпу родственников, болтающих на своем непонятном говорке в кухне, которую они называли вовсе не кухней. «Семейство Дюкенов» вскоре стало для нее чем-то вроде хора в древнегреческой трагедии; этот всезнающий хор стоял на заднем плане ее жизни, постепенно выдвигаясь на передний план.

Хотя октябрь уже близился к концу, огонь в камине не горел. Одна из причин этого заключалась в том, что достать уголь здесь было непросто. Практически весь уголь, который ввозили на остров, забирали фермеры. В прошлую зиму Роза страдала от холода в течение восьми или девяти недель, пока не устроила истерику в конторе торговца углем, вынудив его продать ей достаточное количество драгоценного топлива. Едва ли не в тот же день он прислал ей целую тонну; уголь доставила пара молодых людей, которые на собственных спинах таскали тяжеленные мешки по ухабистой аллее, ведущей от дороги к ее дому; это заставило Розу усомниться в том, что угля на острове действительно мало. Скорее всего, видимость нехватки создавалась искусственно, дабы такие, как она, скупали весь уголь, пускаясь ради этого на унижающие человеческое достоинство уловки. Отвращение Розы к подобным уловкам было так велико, что порой даже холод казался предпочтительнее. Она успокаивала себя мыслью, что осень едва перевалила на вторую половину и до зимы еще далеко. Встав с кресла, Роза направилась в заднюю часть дома, где находились ее спальня и будуар, сняла свитер, по обыкновению, бросила взгляд в зеркало на собственный бюст и надела другой свитер, более толстый и пушистый. В комнате царил печальный полумрак, так как за единственным окном находился высокий земляной откос, преграждающий доступ дневному свету. Вероятно, это помещение изначально предназначалось для детей, а родительская спальня находилась в примыкающей к нему комнате, где Роза устроила гостиную, которую еще не успела обставить; скорее всего, тогда большую часть дневного времени все члены семьи проводили в комнате, где ныне располагалась кухня. Войдя в эту самую кухню, Роза принялась резать овощи, необходимые для стряпни.

В тот день первая трапеза, которую ее мать удостоила бы звания «настоящей», и последовавшая за ней чашка кофе оказали на Розу весьма своеобразное воздействие, обострив все ощущения. Мадам Дюкен оставила ее бродить в тумане догадок и предположений: буквальный смысл сказанных экономкой слов представлялся очевидным, однако этого нельзя было сказать об их подтексте.

Началось с того, что одна из знакомых мадам Дюкен пожелала узнать, где обитает Роза.

– Ах! – воскликнула она, когда мадам Дюкен с готовностью удовлетворила ее любопытство. – Это ведь там, где меняют носильщиков.

Возможно, она изъяснялась на патуа, возможно, на смеси языков – так или иначе, Роза ее поняла.

– О каких носильщиках идет речь? – спросила она, рисуя в воображении картины французских вокзалов.

Ответом ей было молчание; после затянувшейся паузы мадам Дюкен произнесла нечто уклончивое и невразумительное, хотя и любезное.

– Нет! – воскликнула Роза, почуявшая, что ее хотят обвести вокруг пальца. – Я хочу знать. Прошу вас, объясните.

Мадам Дюкен произнесла что-то менее любезным тоном, однако смысл ее слов был все так же туманен. Роза начала выходить из себя и не смогла этого скрыть, о чем впоследствии сожалела. В конце концов мадам Дюкен приоткрыла перед ней завесу тайны, то ли в приступе возмущения, то ли потому, что сочла это необходимым. Так или иначе, экономка пустилась в объяснения, а все остальные время от времени вставляли сдержанные или же взволнованные замечания на своем диалекте.

По всему острову, сообщила мадам Дюкен, да, абсолютно по всему острову, тянутся дороги: «Les vrais chemins de l'église». Эти дороги могут привести к храму – каждый сам знает, где он, его храм. Многие из того, что она сказала, осталось за пределами понимания Розы. Затем последовала пауза, после которой мадам Дюкен перешла к сути проблемы: эти дороги могут также привести человека к его могиле. По этим дорогам несут тела умерших; одна из таких дорог проходит через Ла-Вид, и груз, таким образом, всякий раз проносятся в нескольких дюймах от ее входных дверей; более того, Ла-Вид, как Роза уже слышала, является местом, «где меняют носильщиков». Несомненно, в этом выражении заключался таинственный и весьма важный смысл. Любому должно быть ясно, что совершать свой последний путь по иной дороге до крайности нецелесообразно. Каждое из тех немногих слов, что неохотно, но благоговейно произносила мадам Дюкен, западало в душу, а молчание, следовавшее за ними, было исполнено значительности. Роза не могла в точности постичь, что означают эти слова; она поняла лишь, что около ее дома обитают призраки умерших, незаметные для нее, но видимые и почти осязаемые для ее экономки.

– Но я никогда не слышала ничего подобного! – воскликнула Роза, когда рассказ был закончен. Она была так взволнована, что, кажется, позволила себе схватить мадам Дюкен за рукав.

– Конечно, не слышали. До сей поры вы не обладали знанием, – просто и веско ответила женщина.

После того как эта фраза была произнесена, все погрузились в молчание.

Роза не знала, что и думать. Если эти жуткие кортежи действительно проходят около ее дома, за год она должна была увидеть хотя бы один из них; если же никаких кортежей нет, смысл рассказа мадам Дюкен, возможно, ускользнул от нее полностью.

– В любом случае, если вы их услышите, не смотрите на них, – громко и внятно произнесла экономка.

Прочие по-прежнему хранили молчание; никто даже головой не кивнул.

Более Роза ничего не смогла выяснить. Через некоторое время разговор продолжился, но язык был для Розы непонятен, а то, что удавалось понять, казалось ей откровенно глупым. Вскоре Роза покинула дом мадам Дюкен, оставив ее в обществе друзей.

Ныне, войдя в гостиную, она окинула взглядом стены, лишь наполовину окрашенные свежей краской, и еще не расставленную мебель, привезенную из Лондона. Разумеется, перевозка мебели обошлась недешево, но покупать новую мебель на острове было бы еще дороже. Наверное, новая мебель лучше смотрелась бы в этом доме и лучше отвечала бы здешним условиям, но подобная покупка окончательно истощила бы финансы Розы. Что касается стен, она взялась красить их сама, решив, что на первых порах, пока она не нашла для себя более подходящего занятия, это вполне сойдет; однако выяснилось, что малярные работы требуют немалых физических усилий, и, провозившись несколько дней, Роза отложила кисть до той поры, когда наберется сил. До сих пор она старалась не замечать, в каком плачевном состоянии пребывает комната, но сегодня это бросилось ей в глаза. Честно говоря, даже услуги мадам Дюкен были Розе не по карману, и она прекрасно это сознавала; но справиться в одиночку со всей работой по дому было невозможно, да и общество другого

человека, жизнерадостного и энергичного, было для Розы необходимо. Помимо всего прочего, мадам Дюкен согласилась на крохотное жалованье.

Именно поэтому Роза и смогла ее нанять; о том, чтобы платить за услуги экономки, так сказать, согласно рыночному курсу, не могло быть и речи. Однако в данный момент в голову Розе впервые пришло любопытное соображение: возможно, дешевизна мадам Дюкен подобна дешевизне дома и отдает некоторой противоестественностью. Мир вокруг нас непривычен к дешевизне, и в ней всегда есть что-то подозрительное. Возможно, подумала Роза, она начинает сожалеть о том, что приехала сюда, взвалив на плечи бремя новых трудностей и хлопот, связанных с очередным «прожектором» – именно так называл все ее начинания Деннис. Все это было слишком хорошо знакомо Розе – сделав решительный шаг, она вскорости начинала в нем раскаиваться; но в этот раз ей казалось, что она ускользнула от своих демонов, почти на целый год ускользнув от самой себя. Однако сейчас ее душой, несомненно, овладел страх; вокруг было слишком много поводов для тревоги, и, как всегда в подобных случаях, Роза ощущала, что погружается в глубокую депрессию.

Она бросила взгляд на собственное отражение в окне гостиной. Освещение было вполне подходящим, и даже грязь, облепившая окно, помогала ей разглядеть себя, создавая именно ту степень четкости, которая требовалась. Роза всегда придерживалась мнения, что в этой жизни основной движущей силой является борьба противоположностей, иногда мелких, иногда значительных; прежде, взглянув на собственное отражение, она часто впадала в уныние, а ныне, напротив, была приятно удивлена тем, как хорошо выглядит. Давным-давно Роза уяснила: чем сильнее ее уверенность в себе, тем больше шокирует ее собственное отражение. Жизни свойственно стремиться к равновесию, как в значительных вопросах, так и в мелких (хотя Роза была бы весьма озадачена, если бы ей пришлось разграничить эти две категории). Сегодня собственная внешность ее порадовала. Она до сих пор сохраняла прекрасную, или, по крайней мере, пропорциональную фигуру; толстый пушистый джемпер весьма ей шел. Даже лицо еще не окончательно утратило миловидность, решила Роза, хотя его и обрамляли седые волосы. Хорошо, что у нее хватило ума коротко остричь эти самые седые волосы; когда-то рядом с ней был мужчина, которому нравились женщины с короткими седыми волосами – но, к счастью или нет, ее собственные были тогда длинными и ярко-рыжими. Седину, несомненно, следует коротко стричь; отрастая, она всегда выглядит неряшливо, к тому же делает свою обладательницу похожей на ведьму. Роза вновь вспомнила о мадам Дюкен, хотя волосы последней отнюдь не были седыми; напротив, они были черны как вороново крыло. «Кожа у меня на удивление гладкая для моих лет», – отметила

про себя Роза (много лет назад она приняла решение, пока это возможно, не разговаривать с собой вслух). Она растянула губы в улыбке, хотя понимала, что улыбка непременно получится горькой. Однако та вышла не столько горькой, сколько робкой и испуганной. Роза улыбалась, как застенчивый подросток. Отражение в грязном окне тут же расплылось и утратило всякое сходство с ней. Роза отвернулась, вновь расстроенная.

Сняла пальто с крючка, прибитого к задней стороне двери, надела его и вышла на прогулку. Пальто у нее было весьма респектабельного вида, и даже дорогое. Роза по-прежнему тратила «на тряпки» значительно больше денег, чем «на дом» или на любую другую статью расхода. Она неизменно выбирала элегантные вещи в классическом стиле, простые, но изысканные, ибо обладала вкусом истинной леди. Хотя ее предшествующая жизнь распадалась на две части, и ни в одной из них не было места для истинной леди, Роза чувствовала: ее наружность должна свидетельствовать о том, что она леди от макушки до кончиков пальцев. Теперь, когда жизнь ее вошла в третью фазу и она пребывала в чистилище, именуемом Ла-Вид, Роза опасалась, что внешность – это практически все, что у нее осталось. Облик никогда не подводил, даже в тех случаях, когда у нее не оставалось ни гроша за душой. К счастью, внешность была вовсе не так независима от ее усилий, за исключением, разумеется, тела; требовалось лишь не позволять седым волосам отрастать и засаливаться, а рукам – становиться похожими, скажем, на руки мадам Дюкен. Было бы желание, она сможет прилично выглядеть до конца дней своих... Сделав над собой усилие, Роза попыталась отвлечься от мыслей об утреннем разговоре.

Она шла по узкой тропе, ведущей наверх, к скалистой вершине утеса, высоко поднимавшейся над осенним морем («Волны сегодня серые, как мои волосы», – подумала Роза); и тропа, и волны то резко вздымались наверх, то столь же резко устремлялись вниз. Роза шла не слишком быстро, но уверенно; тропа тянулась много миль, и виды, открывавшиеся по пути, были исполнены дикой красоты, от которой захватывало дух. Дорога походила на петляющие меж скал тропы Англии, прибрежные стежки, оставшиеся лишь в воспоминаниях. Крутые подъемы и спуски, которые заурядные пешеходы не имели ни сил, ни желания преодолеть, не представляли для Розы особой трудности; но необузданная красота дикой природы трогала ее мало, а скудная скальная растительность, полосатые камни, шершавые или же отполированные песком, не впечатляли ничуть. На все это она практически не обращала внимания. Почти каждый день, элегантно одетая, она бродила здесь, и если ей встречались прохожие, будь то люди, идущие с автостоянки, расположенной неподалеку, или же мужчины с ружьями, она никак не давала понять, что замечает их: ни кивка, ни шага в

сторону, ни тени улыбки.

- Она похожа на привидение, - говорили встречные женщины, не понимая, что она действительно может быть привидением.

- Она ужасно бледная, правда? - спрашивали другие женщины у своих скучающих мужей.

Роза выходила на прогулку в любую погоду, ибо не относилась к числу людей, которые обращают на погоду внимание.

- Она похожа на сумасшедшую, - иногда замечал кто-нибудь из скучающих мужей.

- Возможно, она что-то ищет, - сочувственно предполагала порой какая-нибудь юная девушка. Но на подобное предположение, как правило, следовал сокрушительный ответ:

- Скорее всего, она ищет свой пропавший разум.

Почти целый год Роза едва ли не каждый день проходила несколько миль по петляющей меж скал тропе. Но на этот раз она быстро устала и опустилась на грубую деревянную скамью. Просидела там не менее получаса, глядя на море, ощущая, как тяжелые свинцовые волны размывают ее несчастье и уносят прочь тоску. Но вот на тропе, в стороне, противоположной той, откуда пришла Роза, появилась какая-то фигура в черном. То был высокий пожилой мужчина, который шел, сгибаясь под порывами ветра. Он был без пальто, и, когда приблизился, Роза разглядела, что на нем одежда священнослужителя и в руке он держит большую черную шляпу. Ветер раздувал его совершенно седые жидкие волосы. Когда мужчина остановился напротив Розы, она подняла на него взгляд. «Судя по лицу, он очень чувствителен», - такова была ее первая мысль.

- Добрый день, - сказал незнакомец. - Если я не ошибаюсь, вы - миссис Хьюз.

- Да, - кивнула Роза. - Это я.

– Это вы купили маленький домик в том месте, где меняют носильщиков? По крайней мере, я полагаю, что его купили именно вы.

– Не стану отрицать, я его купила, – вновь кивнула Роза.

– Вы ищете мира и покоя?

– Как и все прочие люди.

Избитые слова слетели с ее губ сами собой, практически без ее участия.

– Вы правы, миссис Хьюз. Все мы ищем мира и покоя. Абсолютно все.

Роза молчала. Она чувствовала: любые слова, которые она способна произнести, подобно тем, что уже произнесла, бессильны выразить ее мысли и лишь представят их в искаженном свете. С тех пор как она в последний раз беседовала с «образованным человеком», прошло слишком много времени.

– Возможно, вы позволите мне на несколько минут присесть рядом с вами?

Роза кивнула и, когда он сел рядом, подобрала полы пальто.

– Расскажите, как вы жили до того, как приехали сюда, – попросил незнакомец. – Разумеется, если вы готовы об этом рассказывать.

– Последние восемь лет я работала секретарем. А потом управляющий компанией вызвал меня к себе и сказал, что в этой компании я больше работать не буду, но он может перевести меня в филиал. Я ответила отказом.

– Не сомневаюсь, вы поступили благоразумно, – кивнул мужчина в черном. – А чем вы занимались до того, как стали работать секретарем?

И он, и Роза смотрели вперед, на пустынное беспокойное море.

– О, до этого я вела более рассеянную жизнь...

- И это вам больше нравилось?

- Нет, - покачала головой Роза. - Мне не нравилось ни то ни другое.

Он молчал, и после паузы она спросила:

- Кто вы такой?

- Прежде я был викарием вашего прихода. Ныне я, подобно вам, удалился на покой, но каждую осень приезжаю сюда, дабы предоставить вашему нынешнему викарию возможность отдохнуть. Он человек пожилой, даже старше, чем я, и, увы, весьма слаб здоровьем. Впрочем, полагаю, вам это и так известно.

- Нет, мне это неизвестно, - ответила Роза, и в ее голосе прозвучал вызов - как и всегда, когда дело касалось каких-то общественных формальностей. - Я не хожу в церковь.

- Меня это ничуть не удивляет. У вас нет в этом необходимости.

- Почему это? - пробормотала Роза, недоумевая, к чему он клонит.

- Вы и так живете в святом месте.

- Что вы имеете в виду? - спросила Роза, чувствуя, как болезненно сжалось ее сердце.

- Я бы ни за что на свете не осмелился жить там.

- Почему же? - спросила Роза, изо всех сил стараясь казаться равнодушной. - Объясните, что в этом месте такого страшного?

- О, вам совершенно нечего бояться - в обычном смысле. Все опасности лежат в духовной сфере.

- Какие именно опасности? Я совершенно не разбираюсь в подобных вопросах.

Мужчина в черном вздохнул:

- Позвольте узнать, где вы получили образование?

- В монастыре, - пожала плечами Роза. - Но я давным-давно позабыла все, чему нас там учили.

- Я слышу биение вашего сердца, - пробормотал он себе под нос, словно разговаривая сам с собой.

Сказав это, незнакомец погрузился в молчание, а Роза, сидя рядом, спокойно ожидала, что последует далее.

- Я прихожу сюда каждый день, - наконец заговорил мужчина в черном. - Мне нравится созерцать безмерное. В этом мире не хватает безмерности. Вы так не находите?

- Да, - кивнула Роза. - Полагаю, так оно и есть. Но меня это не слишком волнует. Честно говоря, в этом мире нет ничего, что бы меня по-настоящему волновало.

- Странно, что мы с вами не встречались до сих пор, - заметил мужчина в черном. - Насколько я понял, вы тоже часто здесь гуляете.

- Да, - снова кивнула Роза. - Но я могла пройти мимо, не заметив вас. Я часто так делаю.

- Но, полагаю, я бы вас непременно заметил, - ответил он задумчиво, словно мысль о том, почему они не встретились, всерьез его занимала.

Роза заметила, как над серой громадой моря сгущаются черные тени.

- Сейчас такая пора, про которую моя мать говорила: «Дни словно усыхают», - заметила она.

- Именно так, - откликнулся он. - Скоро нам придется зажигать лампу еще до вечернего чая.

Какая-то морская птица с пронзительным криком вырвалась из-за тучи и устремилась вниз в поисках добычи.

– Вы так ничего и не объяснили, – напомнила Роза. – Не рассказали о месте, где меняют носильщиков. Похоже, все вокруг об этом знают. А для меня это полная бессмыслица. И к тому же, никаких носильщиков у моего дома не меняют. Я прожила здесь почти целый год, и, насколько мне известно, носильщики ни разу не появлялись.

– Возможно, вы просто не знаете, куда смотреть и к чему прислушиваться, – последовал ответ. – Носильщики сменяют друг друга очень тихо. Никто не произносит ни слова. Никто не жалуется и не ропщет. Разумеется, у вас не могло возникнуть впечатления, что перед вашим домом проходит демонстрация тред-юнионов.

– Должна сказать, до нынешнего утра я никогда об этом не слышала, – набравшись смелости, призналась Роза. – Да и сегодня моя экономка, если только я могу ее так назвать, обронила всего несколько слов. Она сказала – если я что-либо услышу, то ни в коем случае не должна смотреть, откуда исходит звук.

– Да, подобное зрелище может произвести гнетущее впечатление на тех, кто не привык к смерти и тому, что за ней следует; стоит ли говорить о том, что в большинстве своем люди, живущие в этом мире, именно таковы. Но я полагаю, вы, миссис Хьюз, относитесь к разряду людей, которые способны не только смотреть и слушать, но даже, опустившись на колени, коснуться происходящего, не причинив себе никакого вреда.

– Вопрос в том, хочу ли я этого? – спросила Роза, впервые за время беседы повернувшись к собеседнику лицом.

– О, конечно, вы этого хотите, миссис Хьюз, – уверенно ответил он. – Все пилигримы опускаются на колени, чтобы соприкоснуться. Как видно, это одна из тех вещей, о которых вы успели забыть.

– Соприкоснуться с чем? – уточила она. – Со святыми мощами? С реликвиями?

Он молчал, но по губам его впервые скользнула улыбка.

– Может, мне лучше убраться отсюда подобра-поздорову? – выпалила Роза. – Хотя нет, я совсем этого не хочу. Но почему именно я? Почему вы полагаете, что я способна сделать это более, чем другие?

– Потому, миссис Хьюз, что на протяжении всей своей жизни вы стремились к совершенству. Вас всегда привлекало исключительно совершенство, а так как в этом мире совершенства нет, вы пребываете в унынии. Это уныние особого рода, если можно так выразиться, уступка этому миру.

– Прекрасно помню, как монахини внушали нам, что уныние – это грех.

– Как и с большинством вещей, все зависит от того, какого рода это уныние.

– Мне кажется, вы на многое заставляете меня взглянуть по-новому, – призналась Роза.

– Там, где вы сейчас живете, на протяжении столетий стояла гробница, на которой было высечено некое изображение, – произнес он. – Прежде на том же самом месте находилось другое изображение, совершенно иное, однако запечатлевшее то же самое; еще раньше – кто знает? – там пребывала сама богиня, *in propria persona*, [3 - Собственной персоной (лат.)] если вы только позволите употребить подобное выражение. Стоит ли говорить, что никто не способен узреть богиню в ее священной роще – и после этого продолжать жить. Это возможно лишь в том случае, если человек становится временным вместилищем божественной сущности.

– Для священнослужителя несколько странно допускать существование целого сонма различных богов.

– Бог един.

– Да, – кивнула Роза. – Я в этом не сомневаюсь. По крайней мере, теперь. Признаюсь, вы помогли мне понять то, чего я прежде не понимала. И при этом не сообщили ничего нового.

– Наша обыденная жизнь подчиняется тем схемам, которые навязывают ей люди; художники называют эти стандарты «стилем». Свойства этих схем

меняются в плавном течении дней. Тем не менее реальность не имеет с ними ничего общего; реальность неизменна – и этим подобна ритуалу. Полагаю, то, что говорила ваша экономка, имеет отношение именно к реальности, хотя, возможно, до нее долетают лишь туманные слухи. Реальность часто таит в себе опасности, и она пыталась вас предостеречь.

– А вы?

– А я советую вам смело идти навстречу опасности. Если вы услышите легчайший звук, о котором я рассказывал, распахните дверь настежь и взгляните на то, что предстанет вашим глазам. Опуститесь на колени, протяните руку вперед, как я вам говорил. И, разумеется, будьте готовы к великим переменам. К непостижимым, непредсказуемым переменам.

– Ваши слова приводят меня в полное недоумение, – едва слышно пробормотала Роза.

– Как и многих других. В приходе я слышу человеком, одержимым самыми странными идеями. Говорят, мои рассказы только сбивают людей с толку. – Викарий внезапно поднялся со скамьи. – Настало время вернуться к моим прихожанам. Рад был познакомиться с вами, миссис Хьюз.

Он не стал надевать шляпу, лишь помахал ею на прощание. Роза, подняв глаза, в течение нескольких секунд пристально рассматривала его лицо.

– Из того, что вы тут наговорили, я не поняла практически ничего, – призналась она. – И все же благодаря вам я чувствую себя намного лучше. Благодарю вас.

Она была готова пойти вместе с ним, если бы он предложил, но он этого не сделал. Слегка поклонившись, викарий удалился торопливым шагом. В течение минуты или около того она видела его темный силуэт, мерцающий и качающийся в сумерках, точно клочок горящей бумаги, несомый ветром; но вскоре тот исчез из поля зрения.

На тыльную сторону ее левой руки упала тяжелая дождевая капля. Роза вскинула голову. Небо стало совершенно черным, но то была не только чернота подступающей ночи. Все, что оставалось Розе, – с максимально доступной скоростью двигаться в сторону дома. Но хотя она шагала по тропе достаточно

быстро, ей не удалось разглядеть впереди силуэт мужчины, который только что с ней разговаривал. Видимость была такой слабой, что передвижение по неровной дороге становилось опасным; когда Роза наконец оказалась в Ла-Виде, ее элегантная одежда промокла насквозь, как и она сама; прежде так сильно промокнуть ей случилось только один раз, в тот незабываемый день в Венсенском лесу, который она провела с Деннисом. Публика в Венсенском лесу прогуливалась чинно и неспешно, но вдруг хлынул, как из ведра, неистовый проливной дождь, от которого негде было укрыться. Тут Роза осознала, что память ее подвела. Мужчину, в обществе которого она промокла насквозь, звали вовсе не Деннис, а Майкл; гнусный чертов лгун, милый старый Майк.

В Ла-Виде не было электричества; для освещения в доме пользовались масляными лампами, в точности как сказал ее новый знакомый; добыча масла для ламп относилась к числу неприятных обязанностей, от которых избавила Розу мадам Дюкен. По крайней мере, Розе не приходилось выслушивать снисходительных разглагольствований продавца, горько сокрушавшегося по поводу допотопных, почти нищенских условий, в которых ей приходится существовать. Сегодня, прежде чем зажечь лампу, Роза в полной темноте сорвала с себя всю одежду и бросила на пол.

Деннис, Майкл, Оскар, Тед, Том, Фрэнк, Гвин и Элвингтон; так звучали некоторые из этих имен, невыразимо забавных имен. Роза зажгла две лампы, затем мысленно выстроила всех своих мужчин в ряд. Она проделала это впервые в жизни, и, вероятно, именно по этой причине некоторые имена не вызвали в памяти никаких явственно различимых черт; а некоторые лица, отчетливо вырисовывавшиеся в темноте, не имели имен. Роза схватила чистое полотенце и принялась яростно растираться. Согревшись, надела сухой джемпер и брюки, которые носила редко, а поверх всего этого – толстый зимний халат. Все эти вещи дарили новые ощущения, и это было приятно. Халат Роза летом отдавала в чистку, и от него исходил легкий запах химикатов. Шеренга мужчин, выстроившаяся в ее сознании, вскоре исчезла – без всяких усилий со стороны Розы. Они словно отправились в самую гущу жизненной битвы, откуда нет возврата.

И все же какая участь постигла каждого из них? Над этим вопросом Роза размышляла редко. Практически в каждом случае в конце концов у нее возникало желание уйти, унося с собой свое бедное сердце. Мыслей о том, как жил без нее покинутый мужчина, она старалась избегать. А когда на ее горизонте появлялся кто-то новый, свойственная ей способность не размышлять

о прошлом приобретала особое значение. Ныне она смогла лишь припомнить, что Элвингтон, бедный, слабый американский юноша, пил столь усердно, что довел себя до гробовой доски; но не Роза была тому причиной, так как это случилось много лет спустя после их разрыва; она вспомнила также, что толстяк Оскар был убит, так сказать, в скандинавском стиле, то есть в драке, которая вспыхнула из-за нее или отчасти из-за нее. После этого случая у Розы началось самое настоящее нервное расстройство, и сводной ее сестре, Джудит, пришлось вывозить Розу в Англию чуть ли не под наркозом (путешествие, надо сказать, было совершено экономклассом). Предполагалось, что Фрэнк погиб в автокатастрофе на окраине Болтона, где ему после долгих поисков удалось найти работу. Об этом Розе сообщила соседка по комнате, Агнес; она клялась и божилась, что это правда, но на слова Агнес нельзя было полагаться даже тогда, когда у этой особы возникало желание сказать правду. Она сообщила также, что всего за неделю до катастрофы Фрэнк женился... Что касается всех остальных, вполне вероятно, они были живы. Хотелось бы знать, кто из них в конце концов попадет на небеса, подумала Роза; хотелось бы знать, попадут ли на небеса их женщины и что будет, если они все там окажутся. Ряд, который выстроился у нее в сознании десять, двадцать, нет, уже тридцать минут назад, рассыпался и более не возникал. Роза часто замечала, что подобные картины, возникающие в мыслях сами собой, быстро исчезают и вернуть их невозможно никакими усилиями. Скрестив ноги, она произнесла вслух:

– Все важное, что случается с нами, происходит помимо нашей воли.

Роза заметила, что забыла высушить волосы и теперь вода капает с них на ее сухую одежду. Полотенце, которым она вытиралась, было насквозь мокрым. Она взяла из шкафа еще одно, оставив на полке последнее, уселась на жесткий стул и принялась сушить волосы, ощущая себя энергичной и активной. Покончив с этим, она задумалась, как поступить с двумя влажными мятыми полотенцами и влажной одеждой. Было не так холодно, чтобы растапливать камин. Роза ощущала такой прилив энергии, что почти жалела, что не может предаться этому занятию. Вскоре она нашла себе дело: стала развешивать мокрые вещи на веревках, натянутых вдоль стен комнаты. К счастью, от прежних хозяев в доме осталось несколько крючков и штырей, торчащих в самых неожиданных местах; именно на них закрепили веревки, и в результате комната приобрела по меньшей мере жутковатый вид. Теперь здесь обитали новые тени, подчас огромные и причудливые; время от времени они приходили в движение, медленно покачиваясь, сжимаясь и вырастая вновь. «Такое ощущение, словно я в плену у летучих мышей-вампиров», – подумала Роза. На самом деле чувство, которое она испытывала, было куда более тревожным и далеко не таким

своеобразным.

– Настал мой судный час, – произнесла Роза вслух. – Это совсем не похоже на то, что было прежде.

Когда она осознала, что поступает вопреки собственному твердому решению не произносить монологов в одиночестве, исправить что-нибудь было уже поздно. «Возможно, именно здесь я не могу не разговаривать сама с собой», – подумала она, но не стала озвучивать эту мысль. Роза закрыла глаза, чтобы не видеть огромных, наводящих ужас летучих мышей. Скрестила руки на груди, обхватив себя за плечи. Дышать она старалась как можно глубже и размереннее, пытаясь таким образом избавиться от сердцебиения и тошноты, последовавших за одышкой, которую вызвало у нее поспешное возвращение домой. Вскоре она ощутила, что скрещенные руки тяжким грузом давят ей на легкие; странным образом радуясь, что более не нужно находиться в такой позе, она позволила себе расслабиться, уронив руки на колени.

В доме были часы, которые отмечали боем каждый час и каждые полчаса; в доме жил сверчок, который сейчас, в конце года, удивительно долго наигрывал свою мелодию; в доме светились две лампы, масло в которых выгорело до одного уровня.

– Все это напоминает поминки, – сказала Роза вслух, когда внезапно пробило десять. – Или, по крайней мере, Великий пост.

Руки и ноги у нее слегка затекли, но, к удивлению Розы, чувствовала она себя не так уж плохо. После разговора на тропе она ощущала заметный подъем духа, и это странное беспокойство было одним из его проявлений.

Тем не менее она перебралась на другой, более удобный стул и вновь позволила себе заговорить вслух.

– Почему нет? – спросила она, сама не зная, к чему относится этот вопрос. Роза заметила, что дождь прекратился. Возможно, это произошло несколько часов назад.

В комнате, казалось, было очень тепло. «Возможно, то была иллюзия», – пронеслось в голове у Розы. Ей доводилось читать, как полярным

исследователям, замерзающим на плавучей льдине, грезилось, что они сидят в зале «Савой-Гриль». Тед как-то работал официантом в ресторане подобного уровня, она это помнила; если ей не изменяла память, с обязанностями официанта он справлялся неплохо. Роза сбросила халат.

Часы пробили половину одиннадцатого, потом одиннадцать, а там и половину двенадцатого. Большую часть времени Роза пребывала в полудреме. Мысль об особых приготовлениях к тому, что ей предстояло, она отбросила. Сидела на стуле, опустошенная, примирившаяся со всем.

Через некоторое время огонь в обеих лампах начал мигать и тускнеть. Роза сама наполняла их и хорошо знала – масла там должно хватить на две ночи, а то и больше. Однако она сделала то, что делала всегда, когда лампы начинали мигать, – встала, чтобы проверить уровень топлива. Оба светильника немедленно погасли. Пламя в них исчезло одновременно, словно по предварительной договоренности.

В темноте Роза ощутила, как на лбу у нее выступили капли пота. Она сама не знала, был ли тому причиной страх, явилась ли испарина следствием того, что она промокла насквозь, или же в комнате стало слишком жарко. Да, несомненно, в комнате было непривычно жарко.

Роза осознала, что из-за штор, которые она плотно задернула на обоих окнах, прежде чем снять с себя мокрую одежду, пробивается сияние; оно казалось слишком отчетливым, чтобы счесть его лишь отсветом стоящей за окнами ночи, не такой крошечной, как царившая в комнате темнота. Кроме того, это сияние двигалось. Приближаясь к ней, оно становилось все ярче.

До сей поры Роза не замечала ничего, кроме тиканья часов; теперь не слышала даже его. Она не обратила внимания, когда часы остановились. Лишь осознала, что они молчат.

– О Боже, – произнесла Роза. – Прошу, защити меня.

Она ничего не выбирала – ни слов, ни тона, которым были произнесены эти слова. Откровенно говоря, она не представляла, откуда взялась эта просьба. Роза не встала на колени, но опустилась на пол бесформенной кучей, спрятав лицо между ног и зажав уши руками. В таком отчаянно неудобном положении

она провела достаточно долгое время. Прежде ей уже доводилось принимать подобную позу, безнадежную и нечеловеческую – это было во время путешествия по Балтике, когда она жестоко страдала от морской болезни.

Откуда-то – не обязательно от входной двери – долетел тихий неуверенный стук. Роза не могла определить, откуда он доносится. Возможно, его производило некое маленькое существо, вместе с ней заключенное в этой комнате.

Незнание казалось страшнее знания. Роза выпрямилась. Она вглядывалась в темноту и прислушивалась.

Звуки по-прежнему почти отсутствовали, но свет усилился, так что неясные и причудливые очертания предметов, висевших на веревках, стали отчетливее. Еще одна удивительная особенность состояла в том, что эти искаженные формы уже не вмещались в пространство комнаты, но выходили за его пределы, словно Роза обрела способность видеть сквозь стены. К тому же она заметила, что слабый свет состоит из двух оттенков, бледно-голубого и бледно-розового; оттенки эти сочетались причудливее, чем цвета в узорах, покрывающих шторы.

Отбросив влажную одежду, касавшуюся ее лица и головы, Роза устремилась к входной двери. Ей показалось, что дверь стала прозрачной; тем не менее она открылась без всяких затруднений. Роза спасалась бегством, безумным, отчаянным бегством. Она не могла принимать происходящее с покорностью, не говоря уже о более радостных чувствах. В дверях она остановилась лишь усилием воли. Несколько мгновений Роза стояла, тяжело переводя дыхание и глядя перед собой.

Роза ожидала, что за пределами дома свет будет намного ярче. Судя по тому, что ей доводилось слышать, это должно было быть именно так.

Тем не менее свет оказался тусклым, примерно в два раза слабее, чем в комнате. Точнее всего к этому свету подходило определение «отдаленный», хотя его источник находился под самым носом у Розы; *le vrai chemin de l'église*, отнюдь не широкий. Свет исходил от многочисленных свечей, но, как это ни удивительно, по-прежнему состоял из бледно-розового и бледно-голубого оттенков, которые уже различила Роза.

– Необъяснимо, – прошептала она. – Необъяснимо.

Трудно было понять, сколько здесь было свечей, каждая свеча казалась достаточно толстой, но при этом давала совсем немного света. Свечи находились в руках у мужчин, которые образовывали неправильный круг, внутри которого стояло еще несколько человек, без свечей: носители (слово «носильщики» казалось Розе неуместным) пребывали в процессе смены. В центре всего находилось то, что они должны были нести; от него тоже исходило свечение.

После того как Роза открыла дверь – отнюдь не тихо, ибо страх сделал ее неловкой, – мужчины, стоявшие к ней ближе всех, как носители огня, так и носители бремени, медленно и торжественно расступились, так что перед ней образовалось широкое открытое пространство.

Она уже являлась частью происходящего, и изменить это было невозможно. Робко, как девочка, она сделала несколько неуверенных шагов.

И только тут увидела – то, что лежало перед ней, испуская сияние и благоухание, эти неотъемлемые признаки святости, было ее двойником, ее дубликатом, ее копией. Копией той Розы, которой она была сейчас, не девочки и не старухи. Она упала на колени перед носилками и боязливо коснулась руки той, которая на них лежала; неожиданным образом ответом ей стало нежное пожатие.

– Кто я? – прошептала Роза. – И кто ты?

– Я твоя душа, – ответил незнакомый глухой голос.

– Но куда ты направляешься? – воскликнула Роза.

– В храм. Куда еще может направляться душа?

– Я увижу тебя еще?

– Когда-нибудь.

– Но когда именно?

– Не знаю.

– А что мне делать до тех пор?

– Живи. Забудь обо всем и живи.

– Но как я могу забыть? Разве это возможно? Разве кто-нибудь способен забывать?

Роза подняла голову и оглянулась по сторонам; внезапно ее пронзила мысль о том, что эти молчаливые люди, каким-то образом служившие ее душе, были теми самыми мужчинами, что предстали перед ней нынешним вечером, мужчинами, имена и лица которых ее память отчасти утратила.

Но было ли это действительно так, она не могла ответить с уверенностью. Новые носители приступили к своим обязанностям (кто они на самом деле, если ее догадка верна, Роза не могла постигнуть). Оттеснив Розу, они подняли носилки на плечи. Окруженные слабым свечением, двинулись к вершине холма, туда, где высилась церковь, возведенная на месте храма древней богини, некогда обитавшей в священной роще.

– Прощай, – сказала Роза; впрочем, она не была уверена, что произнесла это слово вслух.

На удивление быстро на ухабистой дороге воцарилась тишина, все признаки жизни замерли, и даже свет звезд не нарушал темноты. Но Роза видела, что зашторенные окна гостиной по-прежнему светятся, значит, лампы в гостиной горели как обычно; когда она неспешно вернулась в дом, до нее донеслось тиканье часов. Судя по стрелкам на циферблате, после полуночи прошло всего десять минут.

Надо было решить, как поступить с мокрой одеждой, но Роза сочла, что это подождет до утра. Утром ей все равно придется собирать вещи, готовясь к отъезду в Лондон, – таков был первый шаг, который она наметила. Каков будет следующий, предсказать было невозможно.

Niemandswasser[4 - Нейтральные воды (нем.).]

Вскоре после трех часов ночи, когда сентябрьский воздух был пропитан легкой изморосью, молодой князь Альбрехт фон Аллендорф, которого близкие обычно называли Эльмо, ибо считали, что внутри у него бушует пламя, проник в Зоологический сад со стороны Лихтенштейналле. Перепрыгнув через запертые ворота, он направился на берег большого озера, которое простиралось слева, и там, в полной темноте, совершил попытку застрелиться.

В течение предшествующего часа Эльмо брел, отнюдь не быстро и уверенно, ибо не имел привычки передвигаться пешком, из Шенеберга, где в маленькой комнате с низким потолком, давно уже служившей им местом свиданий, поперек широкой кровати лежала Эльвира Швальбе в шелковой ночной сорочке. Она не радовалась тому, что избавилась от Эльмо – на этот раз, несомненно, навсегда, и не скорбела по поводу его утраты; несомненно, она не была мертва, что, учитывая силу страсти Эльмо, не могло не удивлять; но и назвать ее в полной мере живой было бы несправедливо. Главным следствием произошедшего стал почти полный паралич воли и чувств, овладевший Эльвирой. Хотя женщина страшно замерзла, в течение нескольких часов она не сделала ни единого движения. Лишь в середине дня ей удалось стряхнуть с себя оцепенение. Встав с кровати, она провела немало времени, укладывая свои прекрасные волосы в прическу, затем надела платье из тафты в широкую (очень широкую) серую и белую полосу, заперла любовное гнездышко, дабы более его не отпирать, и пошла в кондитерскую на углу. Там она съела значительно больше пирожных и выпила больше кофе, чем позволяла себе обычно. Несмотря на это, она по-прежнему чувствовала себя голодной, так что пришлось заказать омлет. Счастливая, невероятно счастливая Эльвира, обновленная, обретшая силу, ставшая еще привлекательнее благодаря перенесенному страданию; она вновь была свободна, и перед ней расстился мир, полный заманчивых возможностей. So endet alles.[5 - Вот так все и заканчивается (нем.).] Позднее, улучив момент, она бросила ключи от комнаты в Шпрее.

Эльмо, молодой князь, был лишь сравнительно молод; у него имелось четыре старших брата, и все они выглядели старше своих лет. Все они избрали военную карьеру, в которой преуспели, причем отнюдь не только благодаря блестящим связям. Время, свободное от парадов и маневров, они проводили на курсах и лекциях или же за чтением военных книг. Все они были женаты, причем их супруги соответствовали им по социальному положению, все имели детей, причем никто не ограничивался одним отпрыском, и во всех семьях преобладали

мальчики. Несмотря на обязанности службы, по крайней мере, один из братьев Аллендорф неизменно сопутствовал престарелому отцу, помогая ему в делах и удовольствиях, главнейшим из которых большую часть года являлась охота. Таким образом братья по очереди овладевали искусством управления государством, что, разумеется, было особенно важно для старшего.

Наследный князь Аллендорф сумел избежать современных веяний, и, как ни удивительно, по-прежнему обладал значительным влиянием в своем небольшом княжестве; оно было не таким крохотным, чтобы давать повод для шуток, но и не таким большим, чтобы лишать правителя возможности личных контактов с подданными. В том, что ему удавалось сохранить единоличную власть, не последнюю роль играло одно важное обстоятельство – практически все подданные князя его любили; к тому же он был превосходным правителем, которого с рождения готовили к этому поприщу, привив умение в любой ситуации держаться с естественным достоинством. Те немногие, кого не устраивала княжеская персона, перебрались в Берлин. О том, чтобы создавать беспорядки в Аллендорфе, абсурдно было даже помыслить.

Наследный князь давно уже был вдовцом (Эльмо почти не помнил матери), однако пользовался нежным вниманием со стороны графини Софии-Анны, тоже вдовы, которая приходилась ему дальней родственницей (как и ее покойный муж); графиня по-прежнему сохраняла привлекательность, нередко пленяя тех, кто был значительно моложе ее годами. Она жила в просторном особняке в стиле рококо, прямо напротив замка наследного князя. Когда она там поселилась, старшие мальчики приняли ее настороженно, однако десятилетний Эльмо (его, впрочем, тогда еще не называли Эльмо), утомленный попечением образцовых гувернанток, сразу проникся к графине расположением; ему особенно нравилось проводить время в ее спальне, куда он проникал при малейшей возможности, дабы, распахнув один из шкафов, в благоговейном восторге вдыхать аромат ее шелковых платьев и тончайшего белья. Обстановка в доме графини была куда менее официальной и строгой, чем в замке Аллендорф, и, какое бы желание ни высказывал мальчик, никто не отвечал ему отказом. Тем не менее Аллендорф был весьма красив и романтичен, точно замок из волшебной сказки; наследный князь прилагал немало усилий к тому, чтобы император, столь пожилой, что казался вечным, как можно чаще гостил в его резиденции.

Помимо дворца Аллендорф в Берлине, неподалеку от которого ныне сидел во тьме Эльмо, семья владела еще одним, значительно более древним замком,

расположенным на берегу озера Констанц, или же Боденского озера. С тех пор как нынешний наследный князь, тогда маленький мальчик, вместе со своим отцом провел в этом замке неделю, никто из старших членов семьи более не выбрал время, чтобы посетить этот удаленный уголок. Подобное семейное равнодушие к замку считалось явлением вполне нормальным, но в данном случае для него имелась особая причина: некое неприятное происшествие (подробности которого никогда не разглашались), случившееся во время визита мальчика в замок. В результате наследника никогда более туда не возили; когда он вырос и стал сам себе господином, он ни разу не пожелал отправиться к Боденскому озеру. И хотя, возможно, ни единого слова не было произнесено вслух, подобное поведение не могло не влиять на тех, кто окружал наследного князя, – как членов семьи, так и всех остальных. Впрочем, в большинстве своем люди, окружавшие князя, отнюдь не стремились проявлять инициативу, когда речь шла о посещении отдаленных семейных владений. В течение многих лет замок находился на попечении надежных пожилых слуг, и это вполне удовлетворяло всех.

Лишь у Эльмо вошло в привычку время от времени посещать забытый замок – инкогнито, насколько это можно было устроить. Впервые он прибыл сюда, влекомый мыслью о том, что именно в этом обветшалом строении на берегу озера его род – семья, которой он имел все основания гордиться, – обрела свое величие и значение. Семья, сплоченная вокруг его старших братьев, никогда не была к нему сурова, но, несомненно, между ним и родственниками имелись существенные различия. Поэтому Эльмо почитал большой удачей возможность в любую минуту отдохнуть от общества отца, братьев, их жен и детей в восхитительно прекрасном месте, не навлекая при этом на себя обвинений в неверности и предательстве.

Если при ярком свете полной луны вы отправитесь кататься на лодке, в одиночестве или же в обществе некоей прекрасной особы, к коей питаете нежные чувства, если, покинув озеро Констанц, вы минуете полуостров Штаад с его маяком и двинетесь к Мерсбургу, на вашу душу, несомненно, снизойдет покой и чувство примиренности со всем сущим, не достижимое ни в одном из безбрежных океанов мира. Порой, несмотря на лунный свет, земля исчезает из виду, и кажется, что вы в открытом море; однако вы сознаете, что мягкая шелковистая гладь, которая плещет у вас под веслом, ничуть не похожа на соленую морскую воду; ее принес сюда великий Рейн, начинающий свой путь высоко в Альпах. Воздух невероятно чист; Боденское озеро расположено на высоте четырехсот метров над уровнем беспокойного моря. Мельчайшая рябь на воде пронизана поэзией, легкий ветерок дышит нежностью.

Естественно, Эльмо, как и его старшие братья, служил в армии; но в его случае служба имела, так сказать, несколько декоративный характер – в ту пору это еще было возможно, хотя подобные обычаи неумолимо отходили в прошлое. В армии он познакомился с Виктором, юношей, чье положение в обществе было весьма сходно с его собственным (отец Виктора командовал гвардией в одном из удельных княжеств); впервые в жизни у него появился друг, который делал еще привлекательнее (вместо того чтобы портить и отравлять) путешествия на лодке по озеру, обычно совершаемые ночью. Темноволосый смуглый Виктор во время этих лодочных прогулок иногда наряжался девушкой, и у Эльмо возникало ощущение, что он, хотя бы на краткое время, чудесным образом обрел сестру, о которой всегда мечтал.

Как-то ночью или ранним утром, во время одной из подобных лодочных прогулок, произошел ужасный случай. Пока Эльмо работал веслами, Виктор, сидящий на носу, опустил руку в воду. Трудно сказать, в какой именно части озера они в ту пору находились. Одна из самых привлекательных особенностей Боденского озера состоит в том, что, утратив представление о собственном местоположении, вы почти не подвергаете себя риску; скоро, подчас даже слишком скоро, где-нибудь покажется полоска суши. Но в ту ночь или же раннее утро степень риска неожиданно возросла, причем весьма значительно; дело в том, что рука, которую Виктор расслабленно опустил в тихую воду, оказалась наполовину откушенной. Юноша лишился четвертого и пятого пальцев и, несмотря на все усилия докторов, смог лишь частично владеть рукой – что хуже всего, правой рукой, которой он писал стихи и перебирал струны гитары. Несомненно, это печальное происшествие не могло не сказаться на эмоциональном состоянии Виктора, доказательством чего явилась ссора, вспыхнувшая между ним и Эльмо.

После этого случая Виктор вышел в отставку (ему предлагали хорошую должность в штабе, но он отказался – как отказывался впоследствии от большинства предложений). Казалось, юноша обрек себя на одинокое и праздное времяпрепровождение; день за днем он проводил, сидя на берегу Боденского озера. Редко бывало, чтобы он два дня подряд выбирал одно и то же место; но неизменно находился вблизи от озера, как правило, у самой кромки воды, хотя порой укрывался от ветра в роще или же у стен рыбацкой хижины. Всем было известно, что Виктор снимает жилье у некоей пожилой пары, проживающей в благоустроенной усадьбе в трех милях от замка Аллендорф; все знали также, что он предпочитает одинокие трапезы, ибо не желает, чтобы люди видели, как он ест, неловко орудуя изувеченной правой рукой, в которой

принято держать нож.

Эльмо, никоим образом не ощущавший себя виновником ссоры, хотя и сознававший, что ссора эта была неизбежна, весьма тревожился о том, как Виктор проведет осень и зиму, которые были уже не за горами. Несчастный случай произошел знойной августовской ночью, а в окрестностях Боденского озера, как известно, по меньшей мере в течение полугода царит ненастье. Один из докторов, с которым Эльмо решил посоветоваться, попытался объяснить произошедшее с медицинской точки зрения: по его мнению, неведомое существо, нанесшее увечье, поразило также психику жертвы путем внедрения в кровь бацилл, возможно неизвестных науке; именно эти бациллы лишили Виктора способности здраво рассуждать. Судя по тому, что творилось с Виктором, объяснение это представлялось вполне правдоподобным.

Относительно самого? неведомого существа возникли самые несхожие предположения. Среди людей простодушных бытовало мнение, согласно которому Виктора атаковало чудовище, живущее в глубинах озера с незапамятных времен; согласно легенде, оно явилось еще Карлу Великому, а Парацельс беседовал и с королем, и с монстром. Наиболее распространенная и убедительная гипотеза состояла в том, что Виктора изувечила пресноводная акула. Эти твари вполне способны на подобное нападение, говорили бывалые люди, которым доводилось встречать акул на Востоке и в других подобных местах.

Этот несчастный случай, несомненно, стал бы настоящей сенсацией, будь Виктор более известной и популярной в обществе фигурой или же хотя бы человеком, живущим сообразно своему социальному положению; но он, подобно Эльмо, старался по возможности сохранить инкогнито. Наиболее чуткие догадывались, что Виктор не желает становиться героем долго не затухающих сплетен. Так или иначе, во многих селениях в той части побережья для детей был установлен целый ряд строжайших запретов. Возможно, именно благодаря данным мерам предосторожности несчастный случай, произошедший с Виктором, не повторился. Скорее, чем этого можно было ожидать, волнение, поднятое кошмарным происшествием, сошло на нет, и лишь сам Виктор продолжал в одиночестве сидеть на берегу; как и предполагал Эльмо, с наступлением зимних холодов озеро не утратило для него притягательности.

Странное поведение Виктора вдохновило великую поэтессу[6 - Имеется в виду немецкая поэтесса Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф (1797-1848), которая

последние годы своей жизни прожила именно в замке Мерсбург.], проживающую в одном из самых живописных замков у озера, на создание поэмы, полной таинственных и туманных символов; впрочем, далеко не все поклонники этой поэмы знают, при каких обстоятельствах она была написана. Пожалуй, расскажи им об этом, они не поверят.

Эльмо, уже не испытывавший прежних чувств к замку Аллендорф, едва ли не с облегчением вернулся в Берлин, в свой полк. Вскоре он встретил Эльвиру; это произошло в небольшом театре, где после окончания представления молодые офицеры весело проводили время в обществе начинающих актрис, певичек и (в особенности) танцовщиц.

Эльвира была танцовщицей, хотя выходила на сцену гораздо реже с тех пор, как стала пользоваться покровительством Эльмо. Подпав под ее чары, он почти забыл о Викторе, да и обо всем остальном тоже. Он любил ее всем сердцем, и с годами его любовь лишь становилась крепче. У него никогда не возникало сомнений в том, что Эльвира разделяет его чувства, а также в том, что любовь их будет длиться вечно. При этом Эльмо сознавал, что в силу своего положения никогда не сможет предложить возлюбленной руку и сердце. Примеров подобных отношений вокруг было предостаточно, причем не только среди его ровесников, но и среди людей значительно старше годами; нередко подобные связи оказывались весьма длительными и прочными, хотя люди посторонние не сомневались в их мимолетности. Что касается практических дел, Эльмо, человек, для которого существовала лишь идеальная сторона жизни, искренне полагал, что, ежели он имеет деньги, этого вполне достаточно для них обоих, и то обстоятельство, что у Эльвиры денег почти нет – ни сейчас, ни в перспективе, – не должно его волновать. Кроме того, Эльвира танцевала не в парижском кабаре, а в маленьком оперном театре. Эльмо был исполнен внутренней силы, которую вскоре после знакомства с ним ощущал всякий чуткий человек; именно этой силе он был обязан своим прозвищем. Оказавшись загнанным в угол на поле боя, он, несомненно, вырвался бы оттуда быстрее, чем любой из его поднаторевших в военном деле братьев, и при этом обошелся бы меньшими жертвами.

Тем не менее теперь, когда, загнанный в угол, Эльмо сидел на берегу озера в Зоологическом саду, решимость его медленно покидала. До сей поры он был уверен, что знает себя досконально; у него никогда не возникало сомнения, что он способен покончить с собой в ужасающих обстоятельствах, которые обрушились на него столь неожиданно и неумолимо; выбор наиболее

подходящего способа также не представлял для него затруднений.

Он знал, что и днем и ночью самый верный способ всегда у него под рукой, знал с тех пор, как на четырнадцатый день рождения его дальняя родственница, графиня София-Анна, подарила ему свой собственный пистолет, изящную лакированную вещицу, и приказала не расставаться с ним никогда. В тот день на ней было сиреневое платье с узором из крупных белых роз – нарядное, надетое в честь семейного торжества, виновником которого был Эльмо.

– У женщины всегда должны быть деньги, – сказала она ему в своем будуаре, прежде чем они оба спустились вниз. – А это – то, что всегда должно быть у мужчины.

Возможно, именно благодаря тем особым обстоятельствам, при которых он получил этот подарок, Эльмо до сей поры ни разу им не воспользовался. Однако он следил, чтобы кто-нибудь из его слуг регулярно чистил и смазывал маленький пистолет; впрочем, на стрельбищах он получил неплохую практику, а все пистолеты, в сущности, устроены одинаково. Эльмо был метким стрелком и знал, куда следует целить, чтобы сразить наповал.

Но выяснилось, что в крошечной тьме убить себя не так просто. Эльмо с удивлением обнаружил, что отсветы городских огней, которыми так славился Берлин, практически не проникают в глубь Зоологического сада. Кроны деревьев смыкались плотнее, чем он предполагал, и в неподвижном зеркале озера не отражалось ни малейшего намека на лунный свет. Возможно, истина состояла в том, что Эльмо оказался во власти паралича воли и чувств, сходного с тем, что в данный момент испытывала Эльвира, не способная даже набросить на себя одеяло. Подобный паралич обыкновенно завершает эпоху большой любви, на смену которой приходят долгие месяцы горестей и утрат; в этом, возможно, заключается высшее милосердие. Иногда период практически полного оцепенения длится около двух суток. Но Эльмо полагал, что главная проблема заключается именно в темноте. Действовать решительно в столь плотном сумраке было так же невозможно, как совершать решительные поступки, пребывая в задумчивой неопределенности.

Эльмо пробрала дрожь. Он догадался: близится тот ранний рассветный час, когда прерываются многие жизни, и даже люди нечуткие ощущают их исход столь же отчетливо, как если бы он совершался на главной площади города.

Над поверхностью воды просиял легчайший, удивительно ровный свет; явление, естественное в час заката, сейчас, в предрассветную пору, не могло не вызвать тревоги. Любой человек, обладающий сердцем, поневоле должен был содрогнуться и затворить свой разум, бессильный осмыслить происходящее.

Внезапно в озере или же над ним – это невозможно было понять – возникла фигура. Это была прекрасная женщина; женщина столь поразительной красоты, которую бессильно измыслить мужское воображение. Она была обнажена, кожа ее сияла белизной, глаза были огромны, как у Пресвятой Девы, а на полных алых губах играла улыбка.

Эльмо решил, что от холода и усталости задремал и теперь видит сон, посланный ему на мучение. Ибо прекрасное видение с невыносимой жестокостью возродило мысли и воспоминания об Эльвире, оживило чувства, замершие в краткие минуты оцепенения.

– Проклинаю, проклиною тебя, – простонал Эльмо; как только слова эти сорвались с его губ, маленький пистолет, который он сжимал в руке, выстрелил в первый раз. Однако выстрел оказался неудачен; сон то был или не сон, но рука Эльмо тряслась так, как если бы он бодрствовал; мелкая дрожь била ее от плеча до кончиков пальцев. Видение начало меркнуть и растворяться в воздухе; трудно было понять, куда угодила пуля. В Зоологическом саду время от времени еще случались дуэли, и пули оставили множество отметин на стволах деревьев, росших вокруг озера. Что до видения, оно, помедлив долю секунды, погасло, словно над водой и в самом деле явилась Пресвятая Дева. Изящный дамский пистолет вмещал лишь одну пулю.

На память Эльмо пришла простая истина, услышанная когда-то от дамы, заведующей балетной труппой в театре, где работала Эльвира; в обязанности ее входило следить за тем, чтобы девушки были приличным образом одеты, аккуратны и дисциплинированы, танцевальное же их мастерство совершенно ее не касалось.

– Мы не можем умереть только потому, что нам этого хочется, – как-то сказала эта женщина в присутствии Эльмо. В тусклом тревожном свете наступающего дня казалось, что деревья, обступившие молодого человека, следят за каждым его движением, впитывают каждый его вздох. Любой другой способ самоубийства был неприемлем для солдата и князя. Выругавшись, Эльмо зашвырнул пистолет в озеро.

Этот поступок таинственным образом повлек за собой весьма важные и непредсказуемые последствия. В тот же день смотритель парка заметил под водой какой-то странный блеск. Он извлек пистолет из воды при помощи длинного багра, предназначенного для подобных случаев; пистолет передали в полицию, и, так как на рукоятке имелась гравировка с именем графини Софии-Анны, начальник участка приказал подчиненным должным образом упаковать находку и отправить графине по почте. Получив пистолет, София-Анна оставила его при себе, а Эльмо послала лишь короткую записку. Таким образом молодой князь утратил расположение графини; отныне она испытывала к нему полное равнодушие. Впрочем, Эльмо так и не получил записку от Софии-Анны (которая, кстати, была полностью осведомлена о его отношениях с Эльвирой); дело в том, что записка была адресована в столичную резиденцию семейства Аллендорф, а Эльмо через несколько часов после печального происшествия в Зоологическом саду покинул Берлин вечерним поездом.

Хотя попытка самоубийства не удалась, Эльмо ощущал себя мертвецом. Эльвира, жизнь, прошедшие годы – все они стали его убийцами. Ему более не требовалось оружие, ему не было нужды предпринимать какие-либо действия. Человек умирает, когда умирает его сердце, хотя он может долгое время не сознавать этого. Эльмо почувствовал себя мертвым, когда бросил пистолет в озеро, и презрительное письмо графини, в котором она разрывала с ним всякие сношения, было совершенно излишним.

Юноша отправился на берег Боденского озера, ибо оно казалось ему единственным местом, где он мог с легкостью обрести вожаделенное одиночество. Прежде чем покинуть Берлин, он дал мажордому (в действительности пожилому крестьянину, произведенному в смотрители) телеграмму, в которой распорядился выслать за ним экипаж на вокзал в Штутгарте. На следующий день, в десять часов утра, умирающий от голода Эльмо прибыл во второй замок Аллендорф. Несчастья порой лишают человека сна и аппетита, порой, напротив, усиливают их. В последний раз Эльмо был в этом замке восемь лет назад.

В течение года он жил, превратившись в добровольного пленника полуразрушенного замка и заброшенного парка, расстилавшегося вокруг. Не желая, чтобы его видели, он ни разу не вышел к озеру. Парк, несмотря на свою запущенность, был обнесен высокой стеной, которая, по настоянию наследного князя, поддерживалась в надлежащем состоянии. Эльмо неукоснительно требовал, чтобы слуги не зажигали в комнатах свечи, не закрыв предварительно

ставни и не задернув длинные пыльные шторы. Он запретил также упоминать в разговорах с посторонними о том, что он живет в замке, а все письма (ежели таковые будут) приказал сжигать, не распечатывая.

Эльмо коротал время за чтением трудов Фомы Кемпийского и Якоба Беме, обнаруженных им в библиотеке замка; пожелтевшие страницы этих древних томов покрывали пятна, их ветхие кожаные переплеты рассыпались в руках, обнажая трухлявую сердцевину. Время от времени он записывал собственные мысли на пустых листах некоего старинного фолианта. То была книга, посвященная магии. Печатный текст и загадочные диаграммы занимали лишь первую половину тома, далее шли чистые листы, по всей видимости, предназначенные для того, чтобы будущий владелец – или владелица – дополнили книгу своими собственными записями. Однако до той поры, как книга попала в руки Эльмо, никто не удосужился написать в ней ни слова. Как и многие до него, юноша обнаружил, что смерть сердца побуждает перо создавать странные фантазии, в которых ужас соседствует с безумием; несмотря на свою причудливость, фантазии эти не лишены истины, однако люди здравомыслящие, как правило, не могут постичь их смысла. Так прошло еще одно лето, сменившись еще одной осенью; близилась зимняя пора, сырая и холодная.

Эльмо чувствовал, что даже приближение весны, худшего времени года для людей чувствительных, периода, когда самоубийства случаются особенно часто, сезона тоски и печали, более не внушает ему тревоги, по крайней мере в той степени, чтобы он это замечал. Прежде чем покинуть Берлин, он предупредил сослуживцев, что желает быть оставленным в покое; положение его позволяло отдавать подобные распоряжения, так что никто не выказал особого удивления. Наступившая осень предоставляла ему легкую передышку.

Эльмо не лишал себя возможности полюбоваться видом на озеро из окон верхнего этажа. Не подходя к окнам слишком близко, он ощущал себя в полной безопасности; в большинстве своем комнаты верхнего этажа были пусты: ни мебели, ни картин, ни охотничьих трофеев. Старые, помутневшие стекла не только защищали его от любопытных взглядов, но и добавляли очарования расстилавшемуся перед ним озерному пейзажу. Надо сказать, окна на верхнем этаже мыли не часто и не слишком тщательно. Порой Эльмо, погрузившись в забвение, глядел вдаль часами, до той поры, пока усталость не напоминала о себе судорогами в ногах, ибо он, в отличие от большинства людей, любующихся видами из окон своего дома, не мог себе позволить прислониться к оконной

раме.

– Юрген! – позвал Эльмо, подойдя к дверям просторной пустой комнаты. Поселившись в замке, он приказал уничтожить все календари, однако предполагал, что сейчас конец сентября или же начало октября – пора, когда становится ощутимо холоднее. Было около одиннадцати часов утра.

Юрген, один из слуг, постоянно живших в замке, поднялся на несколько пролетов величественной, хотя и не устланной ковром лестницы. Эльмо использовал его для своих личных нужд, ибо лакея, прежде бывшего посредником, или Меркурием, между ним и Эльвирой, он оставил в Берлине. Юрген, человек на закате зрелых лет (а может, и старше), казался сметливее и сообразительнее своих товарищей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О, гитара,

Бедная жертва

Пяти проворных кинжалов!

(Пер. с исп.: Марины Цветаевой.)

2

Чарльз Клор (1904–1979) – британский финансист, магнат и филантроп.

3

Собственной персоной (лат.).

4

Нейтральные воды (нем.).

5

Вот так все и заканчивается (нем.).

6

Имеется в виду немецкая поэтесса Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф (1797–1848), которая последние годы своей жизни прожила именно в замке Мерсбург.

Купить: https://tellnovel.me/eykman_robert/holodnaya-ruka-v-moey-ruke

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)